

А. Андреевичу

Мерцелевичу

М. Мевченков

Г А Й Д А М А К И .

П О Э М А

П. Месченка.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1841.

7-619

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Ноября 29 дня 1841 года.

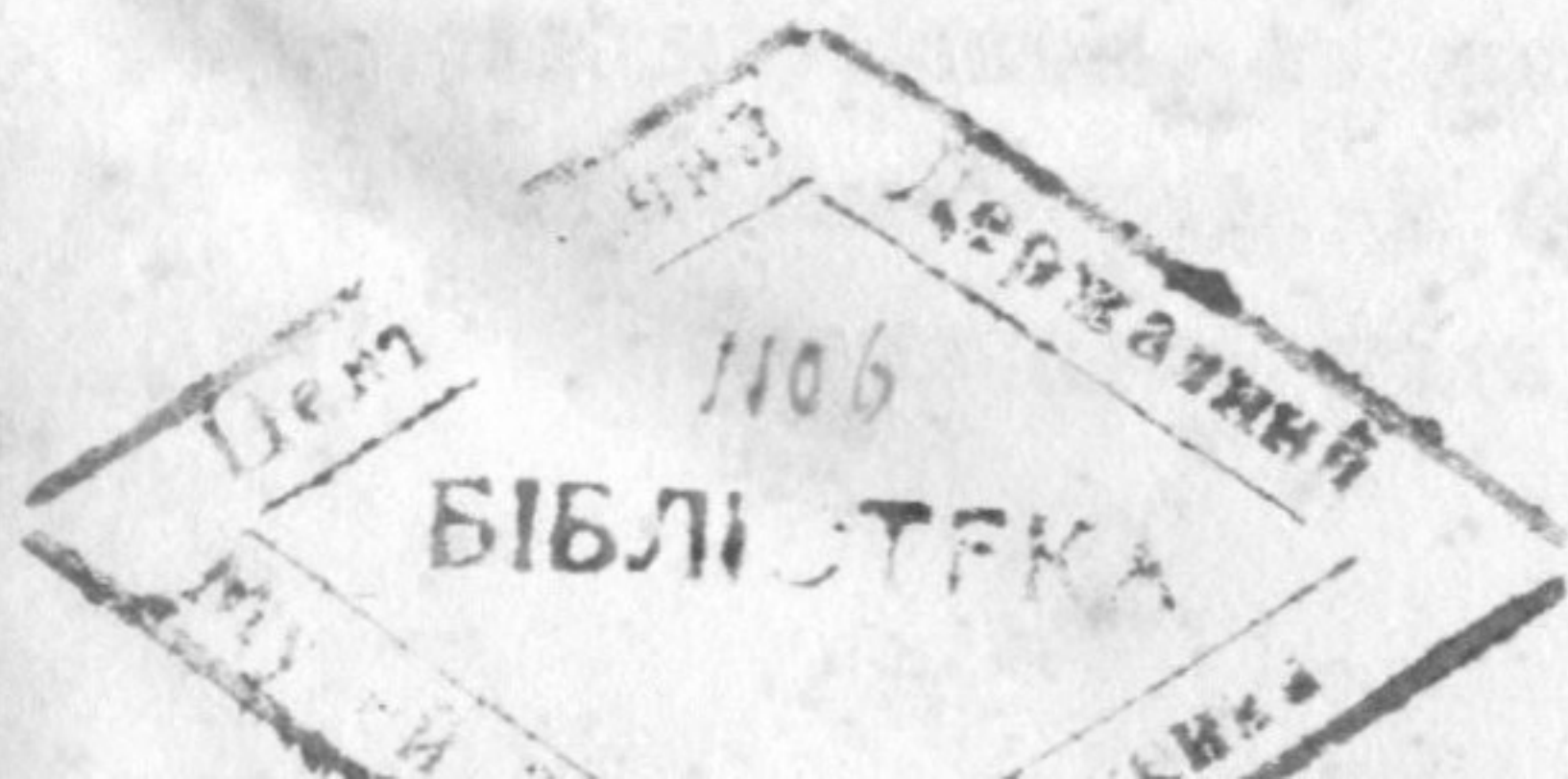
Цензоръ П. Корсаковъ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СЫЧЕВА.

ВАСИЛІЮ ИВАНОВИЧУ

ГРИГОРОВИЧУ,

На память 22-го Апрѣля 1838 года.

Все йде, все минае и краю немае,
Кудыжъ воно дилось? видкиля взялось!
И дурень, и мудрый ничего незнае.
Живе. . . умирае. . . одно зацвило
А друге завьяло, навики завьяло. . .
И лыстя пожовкле витры рознеслы.
А сонечко встане, якъ перше вставало,
И зори червони, якъ першеплыли
Поплывуть и потимъ и ты биллицый
По сынёму небу выйдешъ погулять,
Выйдешъ подывиця, въ жолобокъ, криныцю
И въ море без—крае, и будешъ сїять,
Якъ надъ Вавилономъ надъ ёго садами

И надъ тымъ що буде зъ нашими сынами;
Ты вичный безъ краю! . . . люблю розмов-
лять,

Якъ збратомъ зъ сестрою, розмовлять зъ тобою.

Спивать тобі думу що ты жъ нашептавъ.

Порай мыни ще разъ, де дитысь зъжурбою?

Я не одынокій я не сирота,

Есть у мене диты, та де ихъ подиты?

Заховать зъ собою? — грихъ, душа жива,

Аможе ій легше буде на тимъ свити,

Якъ хто прочитае ти слезы — слова. . .

Що такъ вона щыро колысь вилывала,

Що такъ вона нышкомъ надъ ними рыдала.

Ни, не заховаю бо душа жива.

Якъ небо блакитне нема ему краю, —

Такъ души почину и краю немає

А де вона буде? химерни слова!!

Згадайже хто небудь іи на симъ свити,

Безславному тяжко сей свить покидать.

Згадайте дивчата, — вамъ треба згадать!

Вона васъ любила, рожевіи квиты,

И про вашу долю любила спивать.

Поки сонце встане спочивайте диты,

А я помиркую ватажка де взять.

Сыны мои Гайдамаки!
 Свить широкій, воля,
 Идить сыны, погуляйте
 Пошукайте доли.
 Сыны мои не вельки
 Не розумни диты,
 Хто васъ щыро безъ матери
 Привытае въ свити??
 Сыны мои! орлы мои!
 Летить въ Украину
 Хочъ и лыхо зостриныця
 Такъ не на чужини.
 Тамъ найдеця душа щыра
 Недасть погибаты,
 А тутъ... а тутъ... тяжко диты!
 Колы пустять въ хату,
 То зострившы насміюця
 Таки бачте люды,
 Все письменни, дрюкованы
 Сонце навить гудять.
 «Невидтиля каже сходыть.
 «Та не такъ и свитыть,
 «О такъ каже було бѣ треба...»
 Що маешъ робиты?
 Треба слухать, може йсправди

Нетакъ сонце сходять,
 Якъ письменни начиталы...
 Розумни та й годи
 А що жъ на васъ воны скажуть?
 Знаю вашу славу!
 Поглузують, покепкують,
 Тай кинуть пидъ лаву.
 Нехай скажуть спочивають,
 Поки батько встане
 Та роскаже по нашому
 Про свои Гетьманы.
 А то дурень росказуе
 Мертвыми словами;
 Та якого съ то Ярему
 Веде передъ нами
 Упостолахъ. дурень! дурень!
 Билы, а невчилы.
 Одъ козаства одъ Гетьманства
 Высоки могилы
 Билшь ничего не осталось
 Тай ти розривають.
 А винъ хоче щобъ слухалы
 Якъ старци спивають.
 Дарма праця папе-брате:
 Колы хочешъ грошей

Та ще й славы того дыва
 Спивай про матрѣшу
 Про Парашу радость нашу,
 Султанъ, паркетъ, шпоры,
 Отъ де слава!!! а то спива:
 Грае сынѣ море
 А самъ плаче, за тобою
 И твоя громада
 Усирякахъ!... правда мудри!
 Спасыби за раду
 Теплый кожухъ, тилько шкода
 Не на мене шитый,
 А розумне ваше слово
 Брехнею пидбыте.
 Выбачайте... крычить соби
 Я слухать небуду,
 Тай до себе не поклычу,
 Вы розумны люды —
 А я дурень, одынь соби
 У мой хатыни,
 Заспиваю, за рыдаю;
 Якъ мала дитына.
 Заспиваю, — море грае,
 Витерь повивае,
 Стпъ чорніе и могила

Зъ витромъ розмовляе
 Заспиваю, — розвернулася
 Высока могила,
 Ажъ до моря Запорожци
 Степь широкой крилы
 Отаманы на вороныхъ
 Передъ бунчуками.
 Выгравають... а пороги
 Межъ очеретами
 Ревуть, стогнуть, росердылись
 Щось страшне спивають.
 Послухаю, пожурюся,
 Устарыхъ спытаю,
 Чого батьки сумуете?
 «Не весело сыну
 «Днипро на насъ росердывся
 «Плаче Украина...»
 И я плачу а тымъ часомъ
 Пышными рядами
 Выступають отаманы
 Сотныки съ панами
 И Гетманы; — вси въ золоти
 Умою хатыну
 Прыйшлы, силы коло мене
 И про Украину

Розмовляють, розказують
Якъ сичь будовалы.

Якъ козаки на байдакахъ

Пороги миналы,

Якъ гулялы по сынѣму,

Грилыся въ Скутари,

Та якъ люльки закурившы

Въ Польши на пожари

Въ Украину верталыся,

Якъ бенкетовалы

«Грай Кобзарю, лый шинкарю!»

Козаки гукалы:

Шинкарь знае наливае

И несхаменеця

Кобзарь вшкаривъ, а козаки

Ажъ Хортыця гнеця.

Метельци та Гопака

Гуртомъ отдырають,

Кухоль ходыть переходить

Такъ и высыхае.

Гуляй пане, безъ жупана,

Гуляй витре полемъ.

Грай Кобзарю, лый Шинкарю

Поки встане доля.

Взявшись въ боки на вприсидки

Парубки зъ дидами

«О такъ диты! добре диты!

Будете панами.»

Отаманы на бенкети

Ныначе на ради,

Похожають розмовляють,

Вельможна громада —

Невтерпила, ударила

Старыми ногами.

А я дывлюсь поглядаю

Сміюся слёзами,

Дывлюся, сміюся, дрибни утыраю; —

Я неодинокій е съкимъ въ свити жить,

Умоій хатыни якъ въ степу безкраимъ

Козаство гуляе; байракъ гомонить;

Умоій хатыни сынѣ море грае,

Могила Сумуе, Тополя шумить,

Ты-хесенько *гриця* дивчина спивае

Я неодинокій, е съ кимъ вискъ дожить.

Отъ де мое добро, гроши,

Отъ де моя слава,

А зараду спасыби вамъ

Зараду лукаву.

Буде зъ мене поки живу

И мертвого слова

Шобъ вилывать журбу слёзы.
 Бувайте здоровы
 Пиду синивъ выпровожать
 Въ далеку дорогу.
 Нехай идуть може найдуть
 Козака стараго
 Що привита моихъ дитокъ
 Старыми слезами,
 Буде зъ мене. Скажу ще разъ
 Панъ я надъ панами.

О такъ сыдя киньци-стола
 Миркую, гадаю,
 Кого просыть? хто поведе?
 Надвори свитае
 Погасъ мисяць, горить сонце,
 Гайдамаки встали;
 Помолылысь, одяглыся,
 Кругомъ мене стали.
 Сумно, сумно, якъ сироты
 Мовчки похилылысь.
 «Благословы, кажуть, батьку
 «Поки маемъ сылу;

- «Благословы шукать долю
«На широкимъ свити,»
× «Постривайте... свить не хата
«А вы мали диты
«Не розумни. Хто ватажкомъ
«Иде передъ вами
«Хто проведе? Лыхо диты
«Лыхо мыни зъ вами!
«Выкохавъ васъ, выгодувавъ,
«Вирослы чимали
«Идете въ люды, а тамъ теперь
«Все письменне стало,
«Выбачайте що невивчивъ
«Боймене хочъ билы
«Добре билы, а багато
«Де чому навчили!!
× «Тма, мна, знаю, аоксію
«Невтну таки йдоси.
«Щожъ вамъ скажуть? ходимъ сыни
«Ходимо попросимъ.
«Есть у мене щырый батько
«(Ридного нымае)
«Дастъ винъ мыни раду зъ вами
«Бо самъ здоровъ знае,
«Якъ то тяжко блукать въ свити

«Сироти безъ роду,
 «А до того душа щыра,
 «Козацького роду
 «Не одцуравсь того слова
 «Що маты спивала,
 «Якъ малого повивала,
 «Зъ малымъ розмовляла
 «Неодцуравсь того слова
 «Що про Украину
 «Слипый старецъ сумуючи
 «Спивае пидь тыномъ.
 «Любить іи, думу правды,
 «Козацькую славу,
 «Любить іи, — ходимъ сыны
 «На раду ласкаву.
 «Якъ бы невинъ спиткавъ мене
 «Прилыхій годыни,
 «Давнобъ доси заховалы
 «Въ свигу на чужини,
 «Заховалыбъ тай сказалы, —
 «Такъ якесь ледащо...
 «Тяжко, важко нудыть свитомъ
 «Незнаючи за що.
 «Минулося шобъ неснылось:
 «Ходимо хлопьята,

Центральний

№ 1106

Держ.

«Колы мыни на чужины
«Недавъ погибаты,
«Той васъ прыйме привитае
«Якъ свою дитыну.
«А одъ ёго помолывшись
«Гайда въ Украину.»

Добры день же тату въ хату,
Натвоимъ порогу,
Благословы моихъ дитокъ
Въ далеку дорогу.

И Н Т Р О Д У К Ц І Я.

Була колысь шляхетчина,
 Вельможная пани:
 Мирялася зъ Москалями,
 Зъ Ордою, зъ Султаномъ,
 Зъ Нимотою. . . . було колысь. . .
 Та що не минае?
 Було, Шляхта, знай чваныця
 День и ничь гуляе, —
 Та Королемъ коверзуе
 Некажу Степаномъ,
 Або Яномъ Собіескимъ,
 Ти два незвычайни.
 Аиншими! . . . небораки.

Мовчки пановалы.

Сеймы, сеймыки ревилы:

Сусиды мовчалы,

Дывилыся якъ Короли

Изъ Польши втикають,

Та слухалы якъ шляхество

Нависне гукае.

«**Nierozwalam! Nierozwalam!**»

Шляхта репетуе,

А магнаты, палять хаты,

Шабельки гартують.

Довго таке робилося

Поки не въ Варшави

Запановавъ надъ ляхами

Понятовскій жвавий.

Запановавъ тай думавъ Шляхту

Приборкать трошки. . . незумивъ —

Хотивъ добра, якъ дитямъ маты

Аможе й ще чого хотивъ.

Едыне слово **Nierozwalam**

Хотивъ у Шляхты одибрать,

А потимъ. . . Польша запалала,

Шляхта сказылася. . . кричать

«Слово гонору, дарма праця,

Поганыць, наймыть москаля.»

На гвалть Пулавского, и Паца
Встае шляхетская земля

И разомъ сто Конфедерацій (1).

Розбрелысь Конфедераты

По Польши, Волыни

По Лытви по Молдаванахъ

И по Украини

Розбрелыся, та й забулы

Волю ратуваты,

Полыгалыся зъ жидами

Та й ну руйнуваты.

Руйнувалы, мордувалы,

Церквами топили...

А тымъ-часомъ Гайдамаки

Ножи освятилы.

Г А Л А Й Д А.

«Яремо Герш-ту! Хамивъ сыну!
 «Пиды кобылу приведы,
 «Подай патынки господини,
 «Та принеси мыни воды,
 «Выметы хату, внысы дрова,
 «Посыпъ индыкамъ, гусямъ дай,
 «Пиды долёху, до коровы,
 «Та швидче Хаме! постривай!
 «Пидышъ упоравшись въ Вильшану, (2)
 «Имости треба; небарысь,»
 Пишовъ Ярема похилывсь.

О такъ у раньци жидъ поганый
 Надъ козакомъ коверзувавъ.

Ярема гнувся бонезнавъ,

Незнавъ сирромаха що вирослы крила.
 Що неба достане колы полытыть.
 Незнавъ нагынався... о боже мій милый!
 Тяжко жить на свити... а хочеця жить.
 Хочеця дывиця, якъ сонычко сяе,
 Хочеця послухать якъ море заграе,
 Якъ пташка щебече, байракъ гомонить,
 Або чорно-брыва въ гаю заспивае
 О боже мій милый! якъ весело жить.
 Сырота Ярема, сырота убогий.
 Ни сестры, ни брата, никого нема
 Попыхачъ Жидивскій, вырись упорогу
 А неклене долю, людей незайма.
 Тай защо ихъ лаять хиба вони знають,
 Кого треба гладыть кого катувать:
 Нехай бенкетують... у ихъ доля дбае
 А сироти треба самому придбать.
 Трапляеця часомъ тихенько заплаче,
 Тай то ны одтого що сердце болыть.
 Що небудь згадае, або що побачить...
 Тай знову до праці: отакъ треба жить.
 Нащо батько, маты, високи палаты
 Колы нема сердца зъ сердцемъ розмовлять.
 Сырота Ярема, сырота багатый...
 Бо е съ кимъ заплакать, е съ кимъ заспивать;

Есть каріи очи
 Якъ зироньки сяють,
 Били ручинята,
 Мліють обнимають.
 Есть сердце едыне,
 Серденько дивоче,
 Шо плаче смієця
 Якъ винь того хоче.

О такій то мій Ярема
 Сырота багатый.

Такимъ и я колысь то бувъ. . .

Минуло дивчата.

Минулося розійшлося

И слиду нестало

Серце мліє якъ згадаю

Чому неосталось?

Чому неосталось чому невитало

Легше булобъ слёзы, журбу вилывать.

Люды одибралы бо имъ було мало

«Нащо ёму доля треба закопать.

Винь и такъ багатый» багатый налаты

Та на дрибни слезы. . . бодай невтырать.

Доле моя! доле! де тебе шукать?

Верныся до мене, до моеи хаты

Або хочь присныся. . . нехочеця спать

Выбачайте люды добри
 Може недоладу,
 Та прокляте лыхо злыдни
 Кому незавадыть.

Може ще разъ зостринымось
 Покры шкандыбаю?

За Яремою по свиту
 А може... й незнаю.

Лыхо люды, всюды лыхо
 Нигде пригорнуця.

Куды каже хилыть доля,
 Туды й треба гнуця.

Гнуця мовчки, усмихаця,
 Шобъ люды незналы

Що на серци заховано
 Щобъ непривиталы...

Бо ихъ ласка... нехай сныця.

Тому въ кого доля,
 А сироти щобъ неснылась
 Неснылась николы.

Тяжко, нудно розказовать,
 А мовчать невмію...

Вилывайсяжъ слово, слёзы
 Сонечко негріе.

Невысушить подилюся

Моими слёзами,
 Та не зъ братомъ, не зъ сестрою...
 Зънимымы стинами,
 Начужини — а поки що
 До корчмы вернуся;
 Що тамъ робыця; жидюга
 Дрожитъ изигнувшись
 Надъ каганцемъ личить гроши
 Коло лижка клятый:
 А налижку... охъ, ажъ душно,
 Били ручинята
 Розкидала, розкрылася
 Якъ квиточка въ гаю
 Червоніе... а пазуха,
 Пазухи немає
 Розирвана... мабуть душно
 На перыни спаты,
 Одынокій молоденькій
 Ни съкымъ розмовляты
 Одна шепче... несказанно
 Гарна нехрещена!
 О то дочка; а то батько
 Чортова кешеня.
 Стара хайка лежить доли
 Въ перинахъ поганыхъ.

Дежъ Ярема? взявши торбу
Потягъ у Вильшану.

КОНФЕДЕРАТЫ.

Одчиняй проклятый Жиде!
 Бо будышь битый, одчиняй!
 Ламайте двери поки выйде,
 Викна посыпались, «стрывай!»
 «Стрывайте заразъ,» — «нагаями
 «Свыняче ухо, жартувать
 «Чи що ты хочишь!? Я! зъ панами?
 «Крый Боже заразъ! дайте встать
 «Ясновельможни (вышкомъ свыни)
 «Пани полковнику ламай,»
 Упалы двери... анагай
 Малюе вздовжъ жидивску спыву,

«Здоровъ свине, здоровъ жиде,
 «Здоровъ чортивъ сыну.»
 Та-нагаемъ, та нагаемъ
 А жидъ зогнувъ спыну
 «Не жартуйте мости пане.»
 «Добриве-чыръ, въ хату!
 «Ще разъ шельму, ще разъ годи!
 «Вѣбачай проклятый,
 «Добривечиръ, а де дочка?»
 «Умерла панове,»
 «Лжешъ Іудо, нагаями!»
 Посыпалысь знову,
 «Ой паночки голубчики,
 «Ей Богу нымае.»
 «Брешишь шельмо!» «колы брешу»
 «Ныхай Богъ карае»
 «Не Богъ а мы, признавайся!
 «Нащобъ мавъ ховаты
 «Колы жива, нехай Боже,
 «Щобъ я бувъ проклятый! . . .»
 «Ха, ха, ха. . . чортъ панове
 спивае.
 «Перехристысь» «якъ же воно?»
 «Далеби незнаю.»
 «О такъ, дывись» ляхъ христыця

«А занымъ Іуда.
 «Браво! браво! Охристылы
 «Ну за таке чудо
 «Могоричу мости-пани,
 «Чуешъ охрищенный
 «Могоричу.» — «заразъ, заразъ.» —
 Ревуть мовъ скажены
 Ревуть ляхи, а поставецъ
 Постолю гуляе.
 Еще Польша не згинела
 Хто куда гукае
 «Давай жиде!!» охрищенный
 Изъ Лёху та въ хату
 Знай шишгляе... наливае,
 А Конфедераты —
 Знай гукають «жиде! меду!»
 Жидь несхаменеця:
 «Де цымбалы? грай псявиро!»
 Ажъ корчма трясеця —
 Браковяка оддырають,
 Вальса та мазура.
 И жидь гляне, та ныщечкомъ
 «Шляхецька натура»
 «Добре, годи, теперь спивай,»
 «Невмію, ей Богу.»

«Небожись собача шкуро!»

«Якужъ вамъ? Не-богу!

Була соби ганьдзя

Калика небога,

Божилася,

Молылася,

Що болилы ноги:

Напанщину неходыла,

А за парубками...

Тыхесенько,

Гарнесенько

Помижъ бурьянами.»

«Годи! годи! це погана,

Сгизматы (3) спивають...»

«Я койжъ вамъ? Хиба оцю...»

Стривайте згадаю...»

Передъ паномъ Хведоромъ

Ходыть жидъ, ходыть

И задкомъ

И передкомъ

Передъ паномъ Хведиркомъ

Ходыть жидъ, ходыть.

«Добре, годи, теперь платы,

«Жартуете пане

«За шо платыть? ... Шо слухалы,

«Некривысь поганый!

«Нежартую давай гроши!

«Де мыни ихъ взяты?

«Ни шеляга! я паньскою

«Ласкою багатый.»

«Лжешъ собако признавайся!

«А нуте панове!

«Батогами» засвыстилы,

«Христять лейбу знову.

Перищилы, перищилы,

Ажъ перья лытило

«Ей же Богу не шеляга

«Ижте мое тило!

«Ни шеляга, гвалть рятуйте!!!

«Осьмы поратуюемъ.»

«Постривайте я щось скажу.

«Почуюемъ, почуюемъ,

«Та небрешни бо хочъ здохны —

«Брехня не поможе.

«Ни. . . въ Вильшаный»! . . . «твой гроши?»

«Мои! . . . ховай Боже!!

«Ни, я кажу. . . що въ вильшаный. . .

«Вилшаньски схизматы?»

«По три симьи по чотыри

«Живуть въ одній хати

«Мы це знаемъ бо мы самы

«Ихъ такъ очухралы.

«Тани, не те. . . выбачайте,

«Шобъ лыха незналы. . .

«Щобъ вамъ гроши приснылыся. . .

«Бачьте увилшаный. . .

«Укостѣли. . . у тытаря. . .

«А дочка Оксана!!!!

«Ховай Боже! якъ панночка

«Що то захороше. . .

«А червоньцивъ!!! хочъ не ёго

«Такъ що? — абы гроши.»

«Абы гроши однаково,

«Правду лейба каже.

«А щобъ билше була правда

«Нехай шляхъ покаже.

«Одягайся!» поѣхалы

«Ляхи у Вилшану

Одынъ тилько пидъ лавою

Конфедерать пьяный,

Недзужа встать, а курныка,

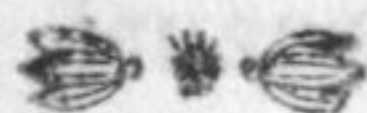
Пьяный и веселый.

.

.

Т Ы Т А Р Ъ.

Угаю гаю
 Витру немає,
 Мисяць високо
 Зироньки сяють.
 Выйди серденько
 Я выглядаю
 Хочь нагодыну
 Моя рыбчино,
 Выглянь голубко.
 Та поворкуемъ,
 Та посумуемъ.
 Бо я далеко
 Сю ничь мандрую
 Выглянь же пташко,

Мое серденько,
 Поки близьенько,
 Те поворкуемъ,
 Охъ тяжко! важко!

О такъ ходя попидъ гаемъ
 Ярема спивае,
 Выглядае... а оксаны
 Немае, немае.
 Зори сяють, середьнеба
 Свитыть билолыцый
 Вербя слуха соловейка,
 Дывиця въ крыныцю,
 На калыни надъ водою
 Такъ и вилывае,
 Ныначе зна що дивчину
 Козакъ выглядае.
 А Ярема подолыни
 Ледви, ледви ходыть.
 Недывиця, неслухае,
 «На що мыни врода?»

Колы нема щастя, колы нема доли.
 Литя молодый марно пропадутъ
 Одынъ я на свити, стебло середъ поля
 Ёго буйни витры полемъ рознесутъ.
 Такъ и мене лоды, незнають де диты:

За щожъ одцуралысь? що я сирота:
 Одно було сердце, одно на всимъ свити,
 Одна душа щыра, та бачу що й та,
 Що й та одцуралась. «И хлынули слёзы
 Поплакавъ сердега, утеръ рукавомъ
 «Оставайсь здорова, въ далекій дорози
 Найду або долю... або за Днипромъ
 Ляжу головою, а ты незаплачишь,
 А ты непобачишь, якъ воронъ клюе
 Ти каріе очи, ти очи козачи
 Що ты цювала... серденько мое!
 Забудь мои слёзы, забудь сыротыну,
 Забудь що клялася; — другого шукай
 Я тобі не пара, я въ сирій свытыни
 А ты, Тытаривна... крашчого вытай,
 Вытай кого знаешъ, така моя доля,
 Забудь мене пташко, забудь нежурись,
 А колы почувешъ що на чужимъ поли
 Сховалы Ярему... нышкомъ помолысь,
 Одна сердце навсимъ свити
 Хочъ ты помолыся,»

Тай заплакавъ сиромаха,
 На кій похилывся,
 Плаче соби тыхесенько,
 Шелестъ!... колы гляне!...

Попидь гаемъ мовъ ласочка
 Крадыця Оксана.
 Забувь, побигъ, обнялыся.
 «Серце . . .» тай зомлилы
 Довго, довго тилько «серце»
 Та й знову нимилы.
 «Годи пташко» «ще трошички
 «Ще . . . ще . . . сизокрилуй,
 «Выймы душу . . . ще разъ . . . ще разъ . . .
 «Охъ якъ я втомилась.»
 «Одпочинь моя ты зоре
 «Ты зъ неба злетила»
 Пославъ свытку, якъ ясочка
 Усмихнулась, сила.
 «Сидай же йты коло мене»
 Сивъ та й обнялыся.
 «Серце моё, крыхто моя»
 Знову полыся.
 «Ты сего дни забарилась
 «Батько занедужавъ,
 «Коло ёго все поралась . . .
 «А мене бай-дуже?»
 «Якій бо ты, ей-же — Богу» . . .
 Слизоньки блеснулы,
 «Неплачь сердце, я жартую»

«Жарты» . . . усмихнулась.

Прихилылась головкою,

Тай нибы заснула.

«Бачь Оксано я жартую

«А ты й справди плачешъ,

«Ну неплачъ же глянь на мене,

«Завтра не побачишь.

«Завтра буду я далеко,

«Далеко Оксано. . .

«Завтра въ ночи у Чигрыни

«Свяченый достаю.

«Дастъ винъ мыни сребро, злото,

«Дастъ винъ мыни славу,

«Одягну тебе, обую

«Посажу мовъ паву.

«На дзиглыку, якъ Гетманьшу

«Тай дывиця буду. . .

«Поки не вмру. Дывитымусь. . .

«А може й забудешъ?

«Розбагатіешъ, у Кіевъ

«Поѣдешъ съ панами,

«Найдешъ соби шляхтяночку

«Забудешъ Оксану.»

«Хиба крашча е за тебе?»

«Може й е незнаю.»

«Гнивышъ Бога мое серце,
 «Крашчои немає
 «Ни на неби, ни за небомъ,
 «Ни за синимъ моремъ.
 «Нема крашчои за тебе »
 «Що се ты говоришъ?
 «Схаменыся» «правду робко.
 Та й знову, та й знову,
 Довго воны якъ бачите
 Велы таку мову.
 Циловалысь, обнималысь,
 Зъ усїен силы
 То плакалы, то божились,
 То ще разъ божились.
 Ій Ярема розказувавъ,
 Якъ жить воны будуть,
 Якъ окуе всю въ золото,
 Якъ долю добуде.
 «Якъ вырижуть Гайдамаки
 Ляхивъ въ України,
 Якъ винъ буде пановаты
 Колы не загине.
 Ажъ обридло слухаючи
 Далеби дівчата,
 «О то якій! мовъ и справди

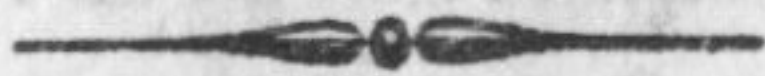
Обрыдло! . . . » а маты,
 Або батько якъ побачать
 Що вы мои люби
 Таке дыво читаете?
 Гриха на всю губу.
 Той ди — тойди. . . та цурь ёму:
 Адуже цікаве!
 А надто вамъ, розказать бы,
 Якъ козакъ чернявий
 Пидь вербою, надь водою
 Обнявшись сумуе,
 А Оксана, якъ голубка
 Воркуе, цилуе.
 То заплаче, то зомліе
 Головоньку схилить:
 «Серце мое, доле моя
 «Соколе мій милый
 «Мій!! . . .» ажъ вербы нагинались
 Слухать таку мову!
 О то мова!! не роскажу
 Мои черnobрови,
 Не роскажу противъ ночи
 А то ще присныця:
 Нехай соби розійдуця
 Такъ якъ изійшлыся.

Тыхесенько, гарнесенько
 Щобъ нихто небачивъ.
 Нидивочи дрибны слёзы
 Ни щыри казачи.
 Нехай соби може ще разъ.
 Воны на симъ свиты
 Зостринуця? побачимо . . .
 А тымъ часомъ свитыть
 Зъусихъ виконъ у тытаря
 Що то тамъ творыця?
 Треба глянуть та розказать . . .
 Бо дай не дывиця!

Бо дай недывиця, бо дай неказаты.
 Бо за людей соромъ, бо сердце болыть,
 Гляньте, подывиця! . . . то Конфедераты,
 Люды що зибралысь волю бороныть;
 Боронять прокляты будь проклята маты
 И день и годына колы понесла,
 Колы породыла на свить привыла.
 Дывиця що роблять у Тытаря въ хаты
 Пекелныи диты: у печи пала
 Огонь и свитыть на всю хату.
 Въ углу собакою дрожить
 Проклятый жидъ; Конфедераты
 Кричатъ до тытаря: «хочъ жить?»

Скажи де гроши? » « той мовчить.
 Налыгачемъ скрутылы руки,
 Вдарили объземлю . . . нема,
 Нема нислова . . . « мало муки
 « Давайте прыску! де смола?
 « Кропы ёго! о такъ! холоне
 « Мерщій же прискомъ насыпай!
 « Що! скажешъ шельмо!» и нестогне!
 « За взята бестія! стрывай.»
 Насыпалы въ халявы жару . . .
 Утимья цвяшокъ закатай!
 Невитырпивъ святой кары.
 Упавъ сердега пропадай
 Душа безъ сповиди святой,
 « Оксано! дочко!» — та й умеръ,
 Ляхи задумалыся стоя,
 Хочъ и запекли, « що теперь!
 • « Панове рады! помиркуйте,
 « Зънымъ теперь ничего робить
 « Запалымъ церкву?» гвалть рятуйте!
 « Хто въ Бога вируе!» кричить
 На двори щое силы,
 Ляхи зомлилы « хто такій?»
 Оксана въ хати . . . « вбилы! вбилы!»
 Мліе та й пада, а старшіи

Махнувъ рукою на громаду,
 Понура шляхта, мовъ хорты,
 Выйшла за двери... самъ по заду
 Бере зомлиую... де ты?
 Де ты Яремо подивыся!
 Може мандруючи спива,
 Якъ Налывайко зъ Ляхомъ бився!
 Ляхи пропали... чуть жива,
 Пропала зными и Оксана,
 Собаки де де по Вилшаній
 Загавкають та й замовчать.
 Биліе мисяць, люди сплять,
 И Тытарь спыть... нерано встане.
 На вики праведный заснувь.
 Горило свитло, погасало!...
 Погасло... мертвый мовъ вздрогнувь.
 И сумно... сумно... въ хати стало (5).

СВАТО ВЪ ЧИГРЫНИ.

Гетманы, Гетманы якъ бы то вы встали,
 Встали подывилисьь на той Чигирынъ
 Що вы будувалы, де вы пановалы
 Заплакалыбъ тяжко бо выбъ непизналы
 Козацькои славы убогихъ руинъ;
 Базары де вісько, якъ море червоне,
 Передъ бунчугамы бувало горыть
 А ясновельможный на воронимъ кони
 Блесне булавою, море закипыть
 Закипыть и розлылося
 Степами, ярами,
 Дыхо мліе передными...
 А за козаками...
 Та що й казать... минулося

А те що минуло. . .
 Незгадуйте панебраты. . .

 Та й що зътого що згадаешъ,
 Згадаешъ, заплачешъ.
 Ну хочъ глянемъ на Чигиринь
 Колысь то козачій.
 Изъ залису зъ тумаву,
 Мисяць випливае,
 Червоніе круглолицый
 Горыть, а несяе.
 Ныначе зна що нетреба
 Людямъ его свиту,
 Що пожары Украину
 Нагріють, освітять.
 И смерклося; а въ Чигрыни
 Якъ у домовини
 Сумно. . . сумно. . . (о такъ було
 По всій України,
 Противъ ночи Маковія
 Якъ ножи святылы).
 Людей нечуть; черезъ базарь
 Кажань костокрылый
 Перелытыть, на выгони
 Сова завывае,

А дежъ люды? надъ Тясминомъ
 У темному гаю,
 Зибралыся, старый, малый,
 Убогий, багатый
 Поеднались. — дожидають
 Велького свята.

У темному гаю, въ зеленій дыброви,
 На припони кони отаву скубуть,
 Осидлани кони, ворони готови
 Куды то пойдуть? кого повезуть?
 Онъ кого, дывиця, ляглы по долини,
 Ныначе побыти ни слова нечуть
 Ото Гайдамаки. . . на гвалть Украины
 Орлы налетилы воны рознесуть
 Ляхамъ жидамъ кару.
 Закровь и пожары
 Шекломъ Гайдамаки ляхамъ отдадутъ.

Попидь дыбровою стоять
 Возы залізной тарани,
 То щедрои гостынецъ пани
 Умила що, кому, давать,
 Невроку ій, нехай царствуе
Нехай несадыть якъ негуе.
 Помижъ возами нигде стать,
 Ныначе въ Ірій налытило

Зъ Смилянщины, зъ Чигирина,
Просте козаство, старшина,
На певне дило налетилы.
Козацьке панство похожае,
Въ киряхъ черныхъ якъ одынъ,
Ныщечкомъ ходя розмовляе
И поглядае на Чигринъ.

СТАРШИНА ПЕРВЫЙ.

Старый Головатый щось дуже коверзуе.

СТАРШИНА ДРУГІЙ.

Мудра голова, сыдыть соби въ хутори ни
бы незна ничого, а дывыся скрызъ голова-
тый, колы самъ каже не повершу, то сынови
передамъ.

СТАРШИНА ТРЕТІЙ.

Тай сынъ же штука! я вчора зострився
зъ Зализнякомъ, таке розказуе, про ёго що
цуръ ёму. Кошовымъ каже буде тай годи,
а може ще и Гетманомъ колы тее...

СТАРШИНА ДРУГІЙ.

А Гонта на що? а Зализнякъ? до Гонты
сама... сама писала, колы каже...

СТАРШИНА ПЕРВЫЙ.

Цытьте лышень, здаеця дзвоняць! . . .

СТАРШИНА ДРУГІЙ.

Та ни, то люды гомоняць.

СТАРШИНА ПЕРВЫЙ.

Гомоняць, поки ляхи почуюць, Охъ стари головы та розумны, химеряць, химеряць та-й зробляць изъ лемеша швайку, де можна лан-тухъ тамъ торбы нетреба; купилы хрину, треба съ исты, плачте очи хочъ повылазь-те, бачилы що купувалы, грошамъ непропадать, а то думаютъ, думаютъ, ни въ слухъ ни мовч-ки, а ляхи догадаюця отъ тоби й пшыкъ. Що тамъ за рада, чомъ воны не дзвоняць? Чымъ спынышь народъ щобъ негомонивъ. — Недесять душъ, а слава Богу, вся Смилян-щина колы невся Украина. — онъ чуєте спи-вають.

СТАРШИНА ТРЕТІЙ.

Справди спива щось, пиду спыню.

СТАРШИНА ПЕРВЫЙ.

Неспиняй, нехай спива, абы неголосно.

СТАРШИНА ДРУГІЙ.

Ото мабудь волохъ (6), невтерпивъ таки старый дурень, треба тай годи.

СТАРШИНА ТРЕТІЙ.

А мудро спива, колы непослухаешъ все
ишу, пидкрадемось та послухамъ, а тымъ
часомъ задзвонять.

СТАРШИНЫ ПЕРВЫЙ И ДРУГІЙ.

Ходимо!

Старшины нышкомъ стали за дубомъ, пить-
дубомъ сыдыть слипый Кобзарь. Кругомъ его. —
Запорошци и Гайдамаки, кобзарь спивае голосно.

Ой Волохи Волохи

Васъ осталось трохи,

И вы Молдованы

Теперь вы не паны,

Ваши господари

Наймиты Татарамъ,

Турецкимъ Султанамъ,

Въ Кайданахъ! въ Кайданахъ!

Годижь не журиця!

Гарно помолиця,

Братайтеся зъ нами

Зъ нами козаками,

Згадайте Богдана

Стараго Гетмана,

Будете панами,
 Та якъ мы зъ ножами
 Зъ ножами святими
 Та зъ батькомъ Максимомъ
 Сю ничъ погуляемъ
 Ляхивъ по-гойдаемъ,
 Та такъ погуляемъ,
 Що ажъ пекло засмієця
 Земля затресеця,
 Небо запалає,
 Добре погуляемъ!

ЗАПОРОЖЕЦЬ.

Добре погуляемъ! правду спива якъ не-
 бреше, а щобъ то зъ ёго за Кобзарь бувъ,
 якъ бы не волохъ.

КОБЗАРЬ.

Та я й не волохъ — такъ тилько, бувъ
 колысь уволощыни, а люды й зовуть волохомъ
 незнаю защо.

ЗАПОРОЖЕЦЬ.

Ну дарма утны ще яку небудь, а ну про
 батька Максима ушкварь.

ГАЙДАМАКЪ.

Та неголосно, щобъ непочула старшина.

Запорожець.

А що намъ ваша старшина? почуе такъ по-
слуха, колы мае чимъ слухать тай годи. У
насъ одинъ, старшій батько Максимъ, а винъ
якъ почуе, то ще Карбованецъ дасть, спи-
вай старче Божій не слухай его.

Гайдамакъ.

Та воно такъ чоловіче, я це й самъ знаю,
та ось що, не такъ паны якъ підпанки, або
поки сонце зійде, то роса очи выість.

Запорожець.

Брехня; спивай, язу знаешъ, ато й дзвона
недиждемо заснемо.

Гуртомъ.

Справди заснемо, спивай яку небудь.

Лита орель, лита сызый
Попидъ небесами,
Гуля Максимъ гуля батько
Степами, лисамы.

Лита орель сызокриый,
А занымъ орлята,
Гуля Максимъ гуля батько,
А занымъ хлопьята.

Запорожцы ти хлопьята
 Сыны его диты.
 Помиркуе, загадае
 Чи биты, чи питы.
 Чи тапцювать? то-й ушкварить
 Ажъ земля трясеця.
 Заспивае, заспивають
 Ажъ лыхо сліеця.
 Горилку, медъ, нечаркою
 Поставцемъ черкае,
 А ворога заплющившись
 Ката не минае.
 О такій-то нашъ Отаманъ
 Орель сизокрилый,
 И воюе и гарцюе
 Зъ-усіей силы
 Не ма-въ его ни осели,
 Ни саду, ни ставу
 Степь и море... скрызъ битый шляхъ,
 Скрызъ золото, слава.
 Шануйтесяжъ вражи ляхи
 Скажени собаки.
 Й де Зализнякъ, чорнымъ шляхомъ,
 Занымъ Гайданамаки.

ЗАПОРОЖЕЦЬ.

Оце то такъ, вчистывъ ничего сказать, и доладу и правда, добре далеби добре, що хоче, то такъ и втне, спасиби, спасыби.

ГАЙДАМАКЪ.

Я щось невторопавъ що винъ спивавъ про Гайдаманивъ?

ЗАПОРОЖЕЦЬ.

Якій же боты бевзь и справди, бачишь ось що винъ спивавъ шобъ Ляхи погани скажени собаки каялысь, бо йде Зализнякъ чорнымъ Шляхомъ зъ Гайдамаками, шобъ Ляхивъ бачишь ризать.....

ГАЙДАМАКЪ.

И вишать, и мордовать! добре ей Богу добре, ну це такъ, далеби давъ бы карбованецъ якъ бы бувъ не пропивъ учора. Шкода, ну нехай стара вьязне бильше мьяса буде, поборгуй будь ласкавъ, завтра отдамъ, утны ще що небудь про Гайдамаки.

КОБЗАРЬ.

До грошей я недуже ласый, цуръ имъ, абы була ласка слухать, поки не охрипъ спива-
тому, а охрипну... чарочку другу ти леда-

шыци, тай знову. Слухайтежъ панове Громадо!

Ночовалы Гайдамаки
 Въ зеленый диброви
 На припони паслы кони
 Сидлани готови.
 Ночувалы ляшки панки
 Въ будынкахъ зъ жидами.
 Напилися простяглыся
 Тай.

Г р о м а д а .

Цыть лышень здаеця дзвоняць.

Чуешъ. . . . ще разъ. . . о. . .

«Задзвонилы, задзвонилы» . . .

Пишла руна гаемъ,

«Идиль же вы та молиця

А я доспиваю.»

Повалылы Гайдамаки
 Ажъ стогне диброва,
 Не повезлы а на плечахъ
 Чумацьки волочи

Несуть возы, а занями

Слыпый волохъ знову

«Ночувалы Гайдамаки

«Въ зеленый диброви.»

Шкандыбае, курныкае

Игычъ не доречи.

«Ну лышь иншу старче Божій»

Зъ возами на плечахъ,

Кричатъ ёму Гайдамаки.

«Добре хлопцы нате!

Отакъ, отакъ, добре хлопцы!

А нуте хлопьята.

Ушкваримо. «Земля гнеця

А воны зъ возами

Такъ и рижуть, Кобзарь грае

До дае словами.

Ой гопъ таки такъ,

Клыче Ганьдзю козакъ,

Ходы Ганьдзю пожартую

Ходы ганьдзю поцилую,

Ходимъ Ганьдзю до попа

Богу помольця,

Нема жыта ни снопа

Вары варяныци.

Ожинывся, зажурився

Ничого нимае,

Урядныни растуть диты

А козакъ спивае.

И похати ты-ны-ны

И посиняхъ ты-ны-ны

Вары жинко лыны,

Ты-ны-ны, ты-ны-ны.

Добре! добре! ще разъ! ще разъ!

Ой гопъ того дыва

Наварины Ляхи пива,

А мы будемъ шинковать

Ляшкивъ, панкивъ частовать

Ляшкивъ панкивъ почаствуемъ

Зъ панянками пожартуемъ.

Ой гопъ таки такъ

Клыче панну козакъ,

Панно пташко моя,

Шанно доле моя,

Несоромся, дай рученьку

Ходимъ погуляймо;

Нехай людямъ лыхо сныця

А мы заспиваймо.

А мы заспиваймо

А мы посидаймо

Панно пташко моя

Панно доле моя
 Ще разъ! ще разъ!
Якъ бы таки, або такъ, або сякъ
Якъ бы таки Запорожскій козакъ,
Якъ бы таки молодой, молодой
Хозъ похатибъ поводывъ, поводывъ.
 Страхъ мыни нехогця
 Зъ старымъ дидомъ морогця
Якъ бы таки.
 «Цу цу скаженн, схамениця!
 Бачъ розходилися! а ты
 Стара собако, дебъ молиця
 Верзешъ тутъ погань; отъ чорты!»
 Кричить отаманъ; опинылысь
 Бачать шо церковь; дякъ спива,
 Попы съ кадылами зъ кропиломъ
 Громада нибы не жива.
 Анителень по мижъ возами,
 Попы зъ кропилами пишлы,
 Заными коровги неслы,
 Якъ на велик-день надъ пасками.
 «Молитесь братія! молитесь!»
 Такъ благочинный начина.
 «Кругомъ святого Чигрина
 «Стане сторожа зъ того свита.
 «Недасть святого распинать

- «А вы Украину ховайте,
«Недайте матери, недайте
«Въ рукахъ у ката пропадать.
«Отъ Конашевича и доси
«Пожаръ негасне, люды мрутъ
«Канають въ тюрмахъ голи, боси. . . .
«Диты нехрыщены растутъ.
«Козацьки диты, а дивчата!
«Краю Козацкого краса
«Уляха вяне, якъ першъ маты
«И непрокрытая коса
«Стыдомъ сичеця! кари очи
«Гаснуть въ неволи, росковать
«Козакъ сестру свою нехоче
«Самъ несоромыця канать
«Въ ярми у Ляха. . . горе! горе!
«Молитесь диты / страшный судъ
«Ляхи въ Украину несуть
«И зарыдають чорны горы.
«Згадайте праведныхъ Гетманивъ
«Де ихъ могилы? де лежить.
«Останокъ славнаго Богдана
«Де Острианицына стоить
«Хочъ бы убогая могила?
«Де Налывайкова? нема!

«Живого й мертвого спалыли (7).
 «Де Богунъ той де та зима?
 «Ингуль що зиму замерзае.
 «Невстане Богунъ загатыть.
 «Шляхетскимъ трупомъ (8) Ляхъ гуляе!
 «Нема Богдана червоныть,
 «И жовти воды й рось зелену,
 «Сумуе Корсунъ староденный
 «Нема журбу съ кимъ подилыть.
 «И Альта плаче, «тяжко житы,
 «Я сохну. . . сохну. . . де Тарась?! —
 «Нема нечуть. . . не въ батька диты!»
 «Неплачте братія: за насъ
 «И души праведныхъ и сыла
 «Архистратыга Михаила
 «Не загорами кары часъ —
 «Молитесь братія!»

Молились, —

Молились щыро козаки,
 Щыро якъ диты, нежурились
 Думали тее. . . а зробилось,
 Надъ козаками, хусточки

Одно добро, одна слава

Биліе хустына,

Тай ту з—нимуть. . . а діяконъ:

«Нехай ворогъ гине!
«Берить ножи, освятилы!»
Удалилы въ дзвоны,
Реве гаемъ, «освятилы!»
Ажъ сердце холоне,
Освятилы! освятилы!
Гине! Шляхта гине!
Розибралы, заблищалы
Повсїй України (9).

ТРЕТИ ПИВНИ.

Ще день Украйну катовали
 Ляхи скажени, ще одынь,
 Одынь останній сумували
 И Украина и Чигринь.
 И той минувъ день Маковія
 Вельке свято въ Украини!
 Минувъ... и Ляхъ, и жидовинь
 Горилки крови упивалысь
 Клялы схизмата роспиналы,
 Клялы що ничого вже взять.
 А Гайдамаки мовчки ждали
 Поки поганьци ляжуть спать.
 Лягли и въ головы не клалы,
 Що вже николы невставать.

Ляхи заснули, а Іуды
 Ще личать гроши, у ночі
 Безъ свитла личать барыши,
 Щобъ не побачили зли люды.
 И ти на золото ляглы,
 И сномъ нечистымъ задремалы,
 Дримаять, на вики бо-дай задрималы;
 А тымъ часомъ мисяць плыве оглядать.
 И небо и зори и землю и море,
 Та глянуть на люды що воны моторять
 Щобъ Богови, вранци про те розказать.
 Свитыть билолыцый на всю Украину
 Свитыть а—чибачить мою сыротыпу?
 Оксану зъ Вилшаны, мою сыроту?
 Де їй мурдують? де вона воркуе?
 Чи знае Ярема, чи знае, чи чуе?
 Побачимо потимъ, а теперъ нету,
 Не ту заспиваю, иншою заграю
 Лыхо, не дивчата, буде танцювать.
 Недолю спиваю козацького краю!
 Слухайте щобъ дитямъ потимъ розказать
 Щобъ и диты зналы, внукамъ розказалы,
 Якъ козаки Шляхту тяжко покаралы,
 Щобъ незабувалы ляха проклынать.

Гомонила Україна,
 Довго гомонила,
 Довго, довго, кровъ степами,
 Текла, червонила.
 Текла, текла, та й высохла
 Стены зеленіють,
 Диды лежать, а надъными
 Могилы сыніють.
 Та що зъ того що високи,
 Ни хто ихъ незнае,
 Ни кто щиро низаплаче,
 Ни хто не згадае.
 Тилько витерьъ тихесенько
 Повіе надъ ними,
 Тилько росы ранесенько
 Слезами дрибными
 Ихъ умыють. Зійде сонце
 Осушить, пригріе
 А онуки! имъ байдуже,
 Жито соби сіють.
 Багато ихъ, а хто скаже
 Де Гонты могила?
 Мученыка праведного
 Де похорошили?
 Де Зализнякъ щира душа,

Де одпочиває?

Тяжко! важко! Катъ панує

А ихъ незгадають.

Гомонила украина,

Довго гомонила,

Довго, довго, кровъ степами

Текла червонила.

И день и ничъ гвалтъ, Гарматы,

Земля стогне, гнеця,

Сумно, страшно, а згадаешъ

Серце усмихнеця,

Мисяце мій ясний, зъ високого неба

Сховайся за гору бо свиту не треба,

Страшно тобі буде, хочъ ты й бачивъ Рось

И Альту, и Сену, (10) и тамъ розмылось

Незнать за що, крови широкее море

А теперьъ що буде? Сховайся за гору.

Сховайся мій друже; щобъ недовелось

На старисть заплакать.

Сумно, сумно середь неба

Сяє билолыцый,

По надъ Днипромъ козакъ иде,

Може зъ вечерныци.

Иде смутный не веселый

Ледви несуть ноги

Може дивчина нелюбить,

За те що убогій,
 И дивчина ёго любить
 Хочъ лата на лати,
 Чернобривый... а незгине,
 То буде й багатый,
 Чогожъ смутный чорнобривый
 Иде чуть не плаче.
 Якусь тяжку недоленьку.
 Вищуе козаче
 Чуе сердце та не скаже
 Яке лихо буде,
 Мне лихо... кругомъ ёго
 Мовъ вымирлы люды
 А ни пивня, ни собаки,
 Тилько изъ загаю
 Десь далеко, сумно, сумно,
 Вовки завывають,
 Байдуже иде Ярема,
 Та не до Оксаны
 Ны въ Вилшану надосвѣтки,
 До ляхивъ поганыхъ
 У Черкасы: а тамъ третій
 Пивень заспивае...
 А тамъ... а тамъ... иде Ярема
 На Днипръ поглядае.

«Ой Днипре мій Днипре широкий, та дужій
 Богато ты батьку у море носывъ
 Козацької крови, ще понесешъ друже,
 Червонывъ ты сынѣ, та не напоивъ
 А сю ничъ упьеця, пекелнеє свято
 По всій України сю ничъ зареве,
 Потече багато, багато, багато
 Шляхетської крови; козакъ оживе,
 Оживуть Гетманы, въ золотимъ жупани;
 Прокивнеця доля, козакъ заспива, —
 Ни жида, ни Ляха, а въ степахъ Украйны,
 Дай то Боже мильй, блесне булава,»
 Такъ идучи думавъ въ латаній свитини
 Сердега Ярема съ свяченымъ въ рукахъ.
 А Днипръ мовъ подслухавъ широкий та сыній
 Піднявъ горы-хвыли. . . а въ очеретахъ —
 Реве, стогне, завиває,
 Лозы нагинає;
 Гримъ гогоче. . . а блискавка
 Хмару роздерає
 Иде собі нашъ Ярема
 Ничого пыбачить,
 Одна думка усмихнеця,
 А друга заплаче.
 Тамъ Оксана, тамъ весело

И въ сирій свытыни,
А тутъ... а тутъ... що щё буде?
Може ще загину.

А тымъ часомъ зъ забайраку
Шивень: кукурику.

«А! Черкасы, Боже милый!
Не вкороты вику.

ЧЕРВОНИЙ БЕНКЕТЪ.

Задзвонили въ уси дззони
 По всій Украини,
 Закричали Гайдамаки:
 «Гине, Шляхта, гине!
 «Гине Шляхта погуляемъ
 «Та хмару нагріемъ»
 Зайнялася Смилянщина
 Хмара червоніе.
 А на й перша Медведивка. (11)
 Небо нагривае,
 Горить Смила Смилянщина,
 Кровью підпłyвае
 Горить Корсунъ, горить Канивъ,
 Чигиринъ, Черкасы,
 Чорнымъ шляхомъ (12) заналамо
 И кровь полылася

Ажъ у Волянъ. по Полисси
 Гонта бенкетуе,
 А Зализнякъ въ Смилянщини
 Дамаску гартуе
 У Черкасахъ: де й Ярема
 Пробуе свячений.
 «О такъ! о такъ! добре диты
 «Мордуйте скаженихъ,
 «Добре хлопци!» на базари
 Зализнякъ гукае!
 Кругомъ пекло, Гайдамаки
 Попеклу гуляють.
 А Ярема, страшно глянуть
 По три по чотыри —
 Такъ и кладе. «Добре хлопче
 «Матери ихъ хыря
 «Мордуй! мордуй! въ раю будешъ
 «Або Есауломъ.
 «Гуляй хлопче! нуте диты.» —
 И диты майнулы,
 Погорищахъ, покоморахъ
 По лёхахъ у сюды,
 Всихъ уклалы, все забралы,
 «Теперь хлопци буде,
 «Утомились, одпочиньте.»

Улыци, базары,
 Крылы трупомъ, плыли кровью;
 «Мало клятымъ кары!
 «Ще разъ треба перемучить
 «Шобъ не повставалы,
 «Не хрищени, кляти души!»
 На базаръ збиралысь
 Гайдамаки, йде Ярема.
 Зализнякъ гукае,
 «Чуешъ хлопче ходы сюды
 «Небійсь незлякаю!
 «Небоюся!» знявши шапку
 Ставь мовъ передъ паномъ.
 «Видкиля ты хто ты такій?
 «Я пане зъ Вилшаны.»
 «Зъ вилшаной, де тытаря
 «Псы замордувалы?»
 «Де? якого?» у Вилшаній
 «И кажуть що вкралы
 «Дочку ёго колы знаешъ?»
 «Дочку у Вилшаній?»
 «У тытаря колы знававъ?»
 «Оксано! Оксано!»
 «Де ты! сердце мое, де ты?!»
 Тай пада до долу.

- «Эге! знаю... Щкода хлопця,
«Провитра Мыколо.»
Провитрився «батьку! брате!
«Чомъ я несторукій?!»
«Дайте ножи! дайте сылу!
«Муки Ляхамъ! муки!
«Муки страшнои шобъ пекло
«Затряслося млило!»
«Добре хлопче, ножи будуть,
«Абы шобъ хотилось!»
«Хочешъ знами у Лысянку?»
«На край свита... пане,
«На край свита та не пайду
«Ненайду Оксаны!»
«Може й найдышь ходимъ зъ нами
«Я все забуваю,
«Якъ зовеся!» «Яремою!
«Призвыще?» «немаю!»
«Хиба байстрюкъ? безъ призвыща
«Запиши Миколо
«Есауломъ.» Безъ призвыща...
«Нехай буде голый,
«Бачъ обидраный...» «погано»
«Ну хиба бидою?»
«Ни погано... стрывай лышень...»

«Пиши Галайдою.»

Записалы, «ну Галайдо

«Поидемъ гуляты,

«Найдешъ долю... а ненайдешь...»

«Рушайте хлопьята»...

И Яреми далы коця

Зайвого зъ обозу,

Усмихнувся на ворошимъ.

Та й знову у слёзы.

Выихали за царину,

Палають Черкасы

«Чи вси диты!» Уси батьку!

«Гайда,» — простяглася

По диброви по надъ Дннпромъ

Козацька ватага,

А заными кобзарь-волохъ

Переваги-ваги

Шкандыбае на коньку

Козакамъ спивае:

«Гайдамаки Гайдамаки

«Зализнякъ гуляе»

Поихалы, а Черкасы

Палають, палають

Байдуже ни хто й негляне
 Сміюця та лають
 Кляту Шляхту, хто балака,
 Хто кобзаря слуха,
 А Зализнякъ по переду,
 Нашорошивъ уха,
 Ёде соби, люльку курить
 Никому нислова,
 А занымъ нимый Ярема! . . .
 Зелена диброва
 И темный гай, и Днипръ дужій
 И высоки горы
 Небо, зори, добро, люды
 И лютеє горе. . .
 Все пропало, всеничого
 Незнає небачить
 Якъ убитый, тяжко ёму
 Тяжко, а не плаче.
 Ни не плаче змія люта
 Жадна, выпиває
 Дрибни слезы, давить душу
 Серце роздырає.
 Ой вы слезы! дрибни слезы!
 Вы змьете горе,
 Змьйте его. . . тяжко! нудно!

И сынёго моря
 И Днипра, шобъ вылыть люте;
 И Днипра нестане.

Занапастыть хйба, душу?

Оксано! Оксано!

Де ты! де ты! подывися

Моя сиротыно

Подывися на Ярему

Де ты? може гине,

Може тяжко кляне долю,

По Польши блукае,

Або въ пана укайданахъ

Усклепу канае.

Може згадуе Ярему,

Згадуе Вилшану,

Клыче ёго «серце мое,

Обнимы Оксану. —

Обнимимось, мій соколе

Навики зомліемъ,

Нехай ляхи згнушаюця,

Непочуемъ! . . . Віе

Віе витерьъ зъ Залыману

Гне тополю въ поли.

И дивчина похилыця

Куды гвс не доля

Шо сумуе пожурыця,
 Забуде, и може.,
 Убудынку господня, —
 А ляхъ... «Боже! Боже!
 Карай пекломъ мою душу
 Вилый муки море,
 Розбый кару надомною,
 Та не такимъ горемъ
 Карай сердце. Розирвеця
 Хочь бы було камень;
 Доле моя, сердце мое,
 Чомъ ты не въ Вилшаный!
 А може й тамъ, може плаче,
 Тяжко ій не бози,
 Може зъ батькомъ выглядае...
 И хлыпулы слезы,
 Дрибни, дрибни полылыся
 Де воны взялыся!
 А Зализнякъ Гайдамакамъ
 Кричить: «опыница,
 «Улись хлопци, вже свитае,
 «И кони присталы
 «Попасемо, повернулы
 Улись та й сховалысь.

ГУПАЛНВЩЫНА.

Зійшло сонце; Украина
 Де палала, тлила.
 А де шляхта запершися
 У будынкахъ млила.
 Скризь поселахъ Шибыныци,
 Навишано трупу —
 Тилько старшихъ, а такъ шляхта
 Купою на куши;
 На улицахъ на роспутьяхъ,
 Собаки, вороны,
 Идять шляхту клюють очи,
 Нихто неборонить. . .
 Та й нікому; осталыся
 Диты та собаки;

Жинки навить зъ рогачами
Пишлы въ Гайдамаки.

О таке то було лыхо
По всій Украини,
Гирше пекла, а завищо
За що люды гинуть?
Тогожъ батька, такижъ диты
Жытьбы, та братаця.
Ни, не вмилы, нехотилы
Треба розъєднаця,
Треба крови брата, крови
Бо задро шо въ брата
Е въ комори и надвори
И весело въ хати.
Убьемъ брата, спалымъ хату
Сказалы и сталось
Всебъ здаеця. . . ни, на кару
Сыроты осталысь;
Въ слёзахъ рослы, тай вирослы,
Замучени руки
Розвязалысь; и кровь за кровь,
И муки за муки.
Болыть сердце, якъ згадаешъ
Старыхъ Славянъ диты

Впились кровью, а хто вишень?
Ксёндзы, Ізуиты! . . . (13).

Мандровалы Гайдамаки,
Лисами, Ярами,
А заными и Галайда
Зъ дрибными слёзами.
Вже минулы Воронивку,
Вырбивку, въ Вилшану —
Прінхалы; хибы спытатъ
Спытатъ про Оксану?
Неспытаю, шобъ незналы
За що пропадаю. . .
А тымъ часомъ Гайдамаки
И Вилшану минають.
Питаеця у хлопчика:
«Шо тытаря вбилы?
«Ба-ни дядьку, батько казавъ
«Що его спалылы
«Оти ляхи що тамъ лежать
«И Оксану вкралы,
«А тытаря на цвынтари
«Вчора заховалы.»
Не дослухавъ. . . «несы коню
«И поводы кннувъ

«Чомъ я вчора поки незнавъ,
 «Вчора незагинувъ.
 «А сёго дня, колы уиру
 «Зь домовины встану
 «Ляхивъ мучить. Серце мое!
 «Оксано! Оксано!
 «Де ты?» — замовкъ, зажурився,
 Поиравъ ходою
 Тяжко ёму сыромаси
 Бороця зь нудгою,
 Догнавъ своихъ. Боровыкивъ
 Вже хутирь мынають.
 Борчма тліе зь стодолою
 А Лейбы немає.
 Усмихнувся мій Ярема,
 Тяжко усмихнувся,
 О тутъ... О тутъ... по-завчора
 Передъ жидомъ гнувся,
 А сего дня... та й жаль стало,
 Шо лыхо минуло!
 Цабе Яромъ Гайдамаки
 Зь Шляху повернули.
 Наганяють пивпарубка
 Хлопець у свытыни,
 Полатаній, у постолахъ,

На плечахъ торбина:

«Гей старчиня пострывай лышъ!»

«Я нестарыць пане!»

«Я— Гайдамака.

«Якій же поганый,

«Видкиля ты? съ Кереливки.» (14).

«А Будыща знаешъ,

«И озеро коло Будыщъ?

«И озеро знаю,

«О тамъ воно, оцымъ Яромъ

«Втраните до ёго.»

«Що сего дня Ляхивъ бачивъ?

«Нигде ниодного,

«А вчѣра було богато,

«Винки несвятылы,

«Не дали Ляхи прокляти

«За тежъ мы ихъ били

«И я й батько святымъ пожемъ

» А маты нездужа

«А той вонабъ. . . добре хлопче

«Ось на тобі друже

«Цей дукачикъ та незгуби. . .»

Узявъ золотого

Подывився, «спасыби вамъ. —

«Ну хлопци въ дорогу.

«Та чуєте безъ гомону
 «Галайдо замною,
 «Въ оцимъ Яру е Озеро
 «Лисъ по пидь горою
 «А въ лиси скарбъ, якъ придемъ
 «То шобъ кругомъ стали
 «Скажи хлопцямъ, може лёхи
 «Стерегты осталась
 «Яка погань.» — прихалы,
 Сталы кругомъ лиса,
 Дивляця нема никого, —
 «Ту ихъ достобиса
 «Яки груши уродылы
 «Збывайте хлопята
 «Швыдче! Швыдче! о такъ! о такъ!»
 И Конфедераты
 Посыпалыся додолу,
 Груши гнылобоки.
 Позбывслы, упоралысь,
 Казакамъ ни в року
 Найшлы лёхи, скарбъ забралы.
 У мертвыхъ кешени
 Потрусылы, — та й потяглы
 Ще карать мерзеныхъ. (15).

СТАРОСВИТСКІЙ БУДЫНОКЪ.

Смеркалося. Изъ Лысянки (16)

Кругомъ засвitulo,

О то Гонта зъ Зализнякомъ

Люльки закурилы,

Страшно, страшно закурилы

И въ пекли невміють

Такъ закуритъ: гнилый Тикачъ

Кровью червоніе.

Шляхетскою й Жидивскою

А надънымъ палають

И хатына и Будынокъ

Мовъ доля карае

Вельможного й неможного,

А серед базару

Стоит Гонта зъ Зализнякомъ
 Крычать; «ляхамъ кары!!
 «Кары ляхамъ, щобъ каялысь.»
 И диты карають.
 Стогнуть, плачуть, одынъ просыть,
 Другій проклинае.
 Той молюца сповидае
 Грихи передъ братомъ
 Уже вбитымъ; немилують,
 Карають завзяти.
 Якъ смерть люта, неминають
 Ни лита, ни вроду,
 Шляхтяночки й Жидивочки!
 Тече кровь у воду.
 Ни калика, а ни старый
 Ни маты дитына
 Не осталысь, не вблагалы,
 Лыхой годыны!
 Все поляглы, все покотомъ
 Ни души живои —
 Шляхетскои й Жидивскои.
 А пожаръ удвое
 Розгорився, распалався
 До самои Хмары.
 А Галайда знай гукае

«Кары ляхамъ кары!

Мовъ скаженный мертвыхъ риже

Мертвыхъ виша, палыть.

«Дайте ляха! дайте жида!

«Мало мыни, мало!

«Дайте Ляха, дайте крови

«Наточить зъ поганныхъ,

«Крови море, мало моря,

«Оксано! Оксано!»

Такъ Галайда кричить шука

Ляхивъ по пожару,

А тынь часомъ Гайдамаки

Столы вздовжъ базару

Поставилы, несуть страву

Де що запопалы,

Шобъ засвитла повечерять

«Гуляй!» загулялы:

Вечеряють, а кругомъ ихъ

Пекло червоніе,

У поломьи повишани,

На кроквахъ чорніють

Шавськи трупы, горять кроквы,

И падають зными. —

«Гуляй диты, пыйте, лыйте

«Зъ папами такими

«Може ще разъ зостринымось»

«Ще разъ погуляемъ.»

И поставець однимъ духомъ

Зализнякъ черкае, —

«За прокляти ваши трупы,

«За души прокляти,

«Ще разъ выпью, пийте диты

«Выпьемъ Гонто брате!»

«Пострывай я дожидаю

«Що Ляхи прокляты...»

Ярема вставъ «яки Ляхи?»

«Отобо завзятый

«Пый горилку мій голубе»

«Яки ляхи брате?»

«Потимъ боци убудынку

«Заперлысь прокляти!»

«Розвіємо!» «Шкода муру

«Старосвитска штука

«А ще гирше Богданови

«Муровалы руки.»

«Богдановы? шкода! шкода!

«Гетманскои праці.»

«Я пославъ сказать проклятымъ

«Шобъ выдады Паца.

«Пемилую! невыдадутъ, —

«Порохъ засыпаю. . .»

«Потайники вже зроблени. . .»

«И ляхи гуляють?»

«Личать зори, добре брате!»

«А поки що буде?»

«Выпьемъ чарку!» «добре выпьемъ.»

«Пийте добри люды

«Та недуже, бо ще може

«Некончили кары.»

«Некончили!!!! пийте, бийте,

«Грай, спивай кобзарю

«Не проидывъ, бо незгирше

«И мы Ляхивъ караемъ

«Не пролыхо, бо мы ёго

«Не знали й незнаемъ.

«Веселон утны старче

«Шобъ земля ломилась.

«Про вдовыцю, молодыцю

«Якъ вона журилась.»

Отъ села до села,

Таньци та музыки,

Курку яйца продала,

Маю черевыки.

Отъ села до села,

Буду танцюваты
 Ни коровы, ни вола,
 Осталася хата.
 Я отдамъ, я продамъ
 Кумови хатыну,
 Я куплю, я зроблю
 Яточку пидъ тыномъ
 Торговать, шинковать
 Буду чарочками,
 Танцювать, та гулять,
 Таки зъ парубками!
 Охъ вы дитки мои,
 Мои голубьята,
 Не журыця, подывиця,
 Якъ танцюе маты,
 Сама внайми пиду,
 Дитокъ въ школу отдамъ
 А червонымъ черевыкамъ,
 Таки дамъ, таки дамъ.

«Добре! добре! ну до танцивъ,
 «До танцивъ Кобзарю.»
 Слипый вшкваривъ, на вприсядки
 Пишлы по базару —

Земля гнеця, «а ну Гонто!»

«Ну брате Максыме!

Ушкваримо, мій голубе

Поки незагинемъ!»

Не дывуйтеся дивгата

Що я обидрався

Бо мій батько, робывъ владко

То й я въ его вдався.

«Добре, брате ей же Богу!»

«А ну ты Максыме!»

«Пострывай лишъ:»

О такъ гины, якъ я гыню

Любы дозку а бы гію,

Хогъ попову,

Хогъ дякову,

Хогъ хорошу мужикову!

Вси танцюють, — а Галайда

Нечуе, небачить.

Сыдыть одынъ кинцы стола

Тяжко, важко плаче —

Якъ дытына, чогобъ баця!

Въ червонимъ жупани,

И золото и слава е...

Та нема Оксаны,

Ни съ кимъ долю подилыты

Ни съ кимъ заспиваты,
 Одынъ, одынъ сыротою
 Мусыть пропадаты.
 Тай заплакавъ, вси танцюють
 А Галайда плаче,
 Нудно ёму. . . а изъ Яру
 Въ киреи козачій
 Хтось крадыця, хто ты такій?
 Галайда пытае,
 «Я посланецъ, папа Гонты
 «Нехай погуляе
 «Я пидожду, —» ни, неждешъ
 «Жидивська собако.»
 «Ховай Боже, якій я жидъ
 «Бачишъ Гайдамака.
 «Ось. *Щарбуцки* копійка:»
 «Небреши проклятый!
 «Признавайся, я Ярема,
 «Ты Конфедеративъ
 «Изъ хутора до тытаря
 «Повивъ у Вилшану.
 «Признавайся! я все знаю,
 «Де дилы Оксану?
 «Махнувъ ножемъ, «ховай Боже!»
 «Я тебе сховаю!»

«Убудынку на тимъ боци» . . .

«Выручай якъ знаешъ,

«На, золото,» сыпле ёму, —

Жменею зъ кешени.

«Треба Гонту. . .» «потимъ, потимъ,

А нето свяченымъ. . .

«Добре, добре, постривайте. . .»

«Николы проклятый —

«Ходимъ вкупы!» — «якижбо вы,

«Яремо завзяты.

«Вамъ нетреба, одынь пиду

«Гроши муръ ламають,

«Скажу Ляхамъ замись Паца. . .»

«Добре, добре, знаю

«Иды швыдче.» заразь, заразь,

«Гонту забавляйте,

«Съпивъ упруга, — а тамъ нехай.—

«Идять же гуляйте.

«Куды везты?» въ Майданивку! (17)

«Въ Майданивку, чуешъ?»

«Чую, чую.» и Галайда

Зъ Гонтою танцюе,

А Зализнякъ бере кобзу,

«Потанцюй Кобзарю

«Я заграю.» на вприсядки
 Слипый вздовжъ базару
 Отдырае постоломи,
 До дае словами!

На вгороди постырнакъ, постырнакъ,
 Чи яжъ тоби не козакъ не козакъ,
 Чи яжъ тебе нелюблю, нелюблю
 Чи яжъ тоби черевычкивъ некуплю.
 Куплю, куплю чорнобрива
 Куплю, куплю того дыва
 Буду сердце ходыть
 Буду сердце любить.

Ой гопъ, гопака
 Полюбила козака,
 Та рудого,
 Та старого,
 Лыха доля така,
 Идыжъ долю зажурбою
 А ты старый за водою,
 А я такъ до шивку.
 Выпью чарку, выпью другу
 Выпью третю напотугу
 Пьяту, шосту, тай кинецъ

Пишла баба утанець
 А за нею горобець,
 Выкрутасомъ,
 Вы хиласомъ,
 Молодецъ горобець.
 Старый рудый бабу клыче
 А та ёму дулю тыче,
 Ожинывся, сатано,
 Заробляй же на пшоно
 Треба дитокъ годувать,
 Треба дитокъ одягать
 А я буду добувать,
 А ты старый негриши,
 Та запичку колыши,
 Та мовчи не дыши.

*Якъ була я молодою приподобницею,
 Повисыла хвартушину надъ виконницею,
 Хто йде не мене,
 То моргне,
 То махне,
 А я шовкомъ вышиваю,
 У квартирочку моргаю,
 Семены,
 Иваны,*

Надивайте жупаны,
 Та ходимо погуляймо,
 Та сядемо заспиваймо,
 Загоняйте квочку въ бочку
 А курчата въ вершу...

.....

и... гу...

Загнувъ батько дугу.
 Тягне маты супоню,
 А ты зав'яжи доню.
 «Чи ще? чи годи?» «ще, ще,
 Хочь погану сами ноги носять.»

Ой сыпъ сыривець

Та крыши опеньки

Дидъ та баба,

Той до ладу,

Обое раденьки

★ ★ ★

★

Ой сыпъ сыривець

Та крыши Петрушку

.....

.....

.....

★ ★ ★

★

Ой сыпь сыривець
 Та на крыши хрину
 Якъ дидь баби

.....

.....

* * *

*

Ой сыпь воду, воду...
 Та пошукай броду, броду!

Годи! годи! «кричить Гонта.

«Годи, погасае!

«Свитла диты! а де лейба?

«Ще ёго немае?

«Найты его та повисыть

«Петелька свыняча!

«Гайда диты, гасне, гасне...

«Велыкъ — день козачій.»

А Галайда «Отамане

«Погуляймо батьку,

«Дывись горить, на базари

«И выдко и гладко.

«Потанцюемъ, грай Кобзарю!

«Нехочу гуляты

«Огню диты, дёгтю, клочя

«Давайте, гарматы.

«Въ потайныки пустыть огонь!
 «Думають жартую. . .»
 Заревилы Гайдамаки
 «Добре батьку, чуемъ:»
 Черезъ греблю повалылы
 Гукають спивають. . .
 А Галайда кричить, «батьку!
 «Стійте! пропадаю
 «Постривайте, не вбивайте,
 «Тамъ моя Оксана
 «Годыночку батьки мои,
 «Я їи достану:»
 «Добре, добре, — Зализняче!
 «Гукны щобъ палылы;
 «Преподобиця зъ Ляхами
 «А ты сизокрилый
 «Найдешъ другу;» — оглянувся,
 Галайды немає.
 Ревуть горы, — и будынокъ
 Зъ Ляхами гуляє
 Коло хмары. Що осталось
 Пекломъ запалало,
 «Де Галайда?» Максимъ клыче. —
 И слиду нестало.

ЛЫБЕДЫНЬ.

«Я сирота, зъ Вильшаной,
 «Сирота бабуся,
 «Батька ляхи замучилы,
 «А мене, — боюся,
 «Боюсь згадать моя сыза,
 «Узялы зъ собою,
 «Непытайся бабусенько
 «Що було зомною,
 «Я моылась, я плакала,
 «Серце розривалось,
 «Слѣзы сохлы, душа мерла,
 «Охъ якъ бы я знала
 «Що побачу ёго ще разъ
 «Що обниму знову,
 «Въ двое, въ трое вытырпалабъ
 «Заедине слово,
 «Выбачай моя голубко,

«Може я гришила,
 «Може Богъ за те карае
 «Що я полюбила,
 «Полюбила станъ высокій,
 «И каріи очи,
 «Полюбила якъ умила,
 «Якъ серденько хоче.
 «Не засебе не за батька
 «Молылась въ неволи,
 «Ни, бабусю, а за ёго
 «Замилого долю,
 «Карай Боже, твою правду,
 «Я вытерпить мушу.
 «Страшно сказать; я думала
 «Занапастыть душу.
 «Якъ бы невинъ, можебъ... може —
 «И занапастыла.
 «Тяжко було; я думала
 «О Боже, мій милый!
 «Винъ сирота, хто безъ мене
 «Его привитае,
 «Хто про долю про недолю
 «Якъ я роспытае.
 «Хто обниме якъ я ёго,
 «Хто душу покаже?

- «Хто сироти убогому.
«Люблю тебе скаже?
«Я такъ думала бабусю
«И сердце сміялось.
«Я сирота, безъ матери,
«Безъ батька осталась.
«И винъ одинъ на всимъ свити
«Одынъ мене любить
«А почуе що я вбилась
«То й себе погубить.
«Я такъ думала, моылась,
«Ждала, выждала,
«Нема ёго, непрыде,
«Одна я осталась, . . .»
Та й заплакала. Черныця,
Стоя коло неї
Зажурилась. «Бабусенько
«Скажи мыни де я?»
«Въ Лыбедыни моя пташко, —
«Невставай ты хвора. . .»
«Въ Лыбедыни, чи давно я?
«Ба ни позавчора.
«Позавчора. . . стривай, стривай,
«Пожаръ надъ водою,
«Жндъ, будынокъ, Майданівка,

«Зовуть Галайдою. . .»
 «Галайдою, Яремою
 «Себе называе
 «Той що привизь. . .» «де винь? де виць?»
 «Теперь же я знаю. . .»
 «Черезъ тыждынь обицявся
 «Прыйты за тобою. . .»
 «Черезъ тыждынь! черезъ тыждынь!
 «Серденько загоить,
 «Бабусенько, минулася
 «Лихая година,
 «То Галайда мій Ярема
 «По всій України
 «Его знають, я бачила
 «Якь села горилы
 «Я бачила, — Каты Ляхи
 «Трусилыся, млилы,
 «Якь хто скаже про Галайду,
 «Знають воны, знають
 «Хто Ярема. Видкиля винь?
 «И кого шукае,
 «Мене шукавъ, мене найшовъ,
 «Орель сизокрилый
 «Прилитай же мій Орлыку,
 «Мій соколе милый.

«Охъ якъ весело на свити
 «Якъ весело стало
 «Черезъ тыждынь бабусенько,
 «Ще три дни осталось,
 «Охъ якъ довго. . .
 «Загрибай мало жаръ жаръ
 «Загрибай мало жаръ жаръ
 «Буде тобі дошки жаль жаль. . .
 «Охъ якъ весело на свити! . . .
 «А тобі бабусю
 «Чи весело?» я тобою
 «Пташко веселюся.»
 «А чомъ же ты неспиваешъ?
 «Я вже одспивала.
 «Пиду, дзвонять до вечерни.»
 Оксана осталась
 Пожурилась, усмихнулась,
 Пала на коліна,
 И молюца за Ярему
 Щиро якъ дитына.
 Черезъ тыждынь стари сестры,
 У церкви спивали,
 Исаія ликуй, въ ранци
 Ярему винчали
 А въ вечери мій Ярема

(Отъ хлопыць звычайный)
 Щобъ несердыть Зализняка
 Покинувъ Оксану,
 Ляхивъ конча — зъ Зализнякомъ,
 Часомъ наизжае
 Вряды-годы, — та вдвохъ соби...
 Ну це всякій знае!...
 Вернимоссяжъ до свяченыхъ.
 Що воны зробили?
 Чи вси воны ще якъ бритва,
 Чи перещербилы,
 Хочъ вамъ, знаю, и остыло
 На кровь, та на слёзы
 Дывитыся, а Оксани;
 Оксани небози
 Ій ажъ пудно, бо Ярема
 Весилля гуляе,
 Зъ ножемъ въ рукахъ, на пожарахъ,
 Вона выглядае
 Допивночи, а иноди
 Помолыця Богу,
 Тай спать ляже, одна соби...
 Умеръ бы ей Богу.

ГОНТА ВЪ УМАНН.

Минають дни, минае лито,
 А Украина знай горить,
 Плачуть по селахъ мали диты,
 Батькивъ немає, шелестыть
 Пожовкле лыстя по диброви,
 Гуляють Хмары, сонце спить
 Нигде нечуть людской мовы,
 Тилько звирь вые, йде въ село
 Де чуеть трупы; неховалы,
 Вовкивъ Ляхами годувалы,
 Поки ихъ снигомъ занесло.
 Неспынила хуртовина
 Некельной кары,
 Ляхи мерзлы, а козаки

Грильсь на пожари.
 Встала й весна, чорну землю
 Сонну розбудыла,
 Уквичала іи рястомъ,
 Барвинкомъ покрила,
 И на поли жайворонокъ
 Соловейко въ гай
 Землю убрану весною
 Вранци зостричають.
 Рай, тай годи, а для кого?
 Для людей... а люды?
 Нехотять на ёго й глянуть
 А глянуть огудять,
 Треба кровью домалювать.
 Освитыть пожаромъ
 Сонця мало, рясту мало.
 И багато хмары.
 Пекла мало! люды! люды!
 Коны то зь васъ буде
 Того добра що маєте?
 Чудни, чудни люды!
 Неспыныла весна крови,
 Низлости людькои, —
 Тяжко глянуть; а згадаемъ
 Такъ було и въ Трои

Такъ и буде. — Гайдамаки
 Гуляють, карають,
 Де проидуть земля горить
 Кровью пидпливає.
 Придбавъ Максимъ соби сына
 На всю Украину,
 Хоть веридный сынъ Ярема,
 А шыра дытына
 Максимъ риже, а Ярема
 Не риже, лютуе
 Зъ ножемъ въ рукахъ на пожарахъ
 И днюе й ночуе
 Немилуе, не минае
 Нигде ни одного
 За Тытаря ляхамъ платить,
 За батька святого
 За Оксану... та й зомліе
 Згадавши Оксану,
 А Зализнякъ. «гуляй сыну
 «Поки доля встане!
 «Погуляемъ!» погулялы.
 Купою на купи
 Одъ Кіева до Умани
 Ляглы Ляхи трупомъ.

Якъ та хмара Гайдамаки
 Умань (19) обступилы
 Опивночи, до схида сонця
 Умань затопилы,
 Затопилы, закричалы
 «Катай Ляха знову.»
 Покотылысь по базару
 Киини *Narodowi*, (20)
 Покотылысь мали диты,
 И калики хвори
 Гвалть и галась... на базари —
 Якъ по середь моря
 Кровавого, стоить Гонта
 Зъ Максимомъ за взятымъ,
 Кричатъ удвохъ, «добре диты
 «О такъ ихъ проклятыхъ.»
 Ажъ ось ведуть Гайдамаки
 Ксёндзя Ізуита
 И двоухъ хлопцивъ. «Гонто! Гонто!
 «О це твои диты,
 «Ты насъ рижешъ, зарижъ и ихъ,
 «Воны Католики.
 »Чогожъ ты ставъ, чомъ не рижешъ;
 «Поки не велики,
 «Зарижъ и ихъ бо виростуть

«То тебе зарижуть. . .»

«Вбійте его а собачать

«Свою зарижу!

«Клычть громаду, признавайтесь

«Шо вы католыки?»

«Католыки. . . бо насъ маты. . .»

«Боже мій великій!

«Мовчить! мовчить, знаю знаю.»

Зибралась громада.

«Мои диты Католыки!

«Шобъ небуло зрады

«Шобъ небуло поговору

«Панове громадо!

«Я присягавъ бравъ свячений

«Ризать Католыка!

«Сыни мои! сыни мои!

«Чомъ вы не велики?

«Чомъ вы ляха нерижете!

«Будемъ ризать тату.»

«Небудете! небудете!

«Будь проклята маты

«Та проклята католычка

«Шо васъ породыла,

«Чомъ вона васъ до схиць сонця

«Була невтопила,

Меншебъ гриха, выбъ умерлы
 « Не католыками,
 « А сёгодня, сыны мои!
 « Горе мыни зъ вами!
 « Поцилуйте мене диты,
 « Бо не я вбиваю —
 « А присяга! . . . » Махнувъ ножемъ
 И дитей немає
 Попадамы заризани
 « Тату. . . белькоталы
 « Тату. . . тату. . . мы не ляхи
 « Мы. . . » та й замовчалы.
 « Поховать хйба? нетреба
 « Воны Католыки. . .
 « Сыни мои сыни мои
 « Чомъ вы не велыки
 « Чомъ ворога неризалы
 « Чомъ матирь невбилы
 « Ту прокляту Католычку
 « Що васъ породыла.
 « Ходимъ брата.» « взявъ Максима;
 Пишлы вздовжъ базару
 И обы-два закричалы
 « Кары Ляхамъ кары!

И каралы! страшно, страшно,
 Умань запалала.
 Ни въ будынку, ни въ костёли
 Нигде неосталось.
 Все поляглы, того лыха
 Небуло никола
 Що въ Умани робилося.
 Базыліянъ школа
 Де учились Гонты диты
 Самъ Гонта руйнуе
 «Ты поила моихъ дитокъ:»
 Гукае, лютуе,
 «Ты поила не великихъ
 «Добру не навчила
 «Быйте стины!» Гайдамаки
 Стины развалылы
 Розвалылы; обь каминья
 Ксеѣндзивъ розбивали,
 А школяривъ укриныци
 Живыхъ поховалы.
 До самой ночи ляххивъ мордовалы,
 Души неосталось. А Гонта кричить
 «Де вы людиды? де вы поховалысь?»
 «Зъ илы моихъ дитокъ, тажко мыни жить
 «Тяжко мыни плакать, ни съ кимъ говорить,

«Сыны мои любі, мои черноброви
 «Де вы поховалысь. Крови мѣни крови!
 «Шляхетскои крови, бо хочеця пить.
 «Хочеця дывиця якъ вона чорніе
 «Хочеця напиця, чомъ витерь невіе
 «Ляхивь не навіе. Тяжко мѣни жить
 «Тяжко мѣни плакать, праведніи зори
 «Сховайтесь за хмару, я васъ не займавъ.
 «Я дитей заризавъ, горе! мое горе!
 «Де я прихилюся?» такъ Гонта кричавъ
 По Умани бигавъ, а середъ базару
 Въ крови Гайдамаки ставили столы
 Де що запопалы, стравы нанеслы
 И силы вечерять. Остатьяная кара
 Остатьяная вечеря. «Гуляйте сыны
 «Пыйте поки пьеця, быйте поки бьеця!»
 «Зализнякъ гукае! а ну нависный
 Ушкварь намъ, що небудь, нехай земля гнеця
 Нехай погуляють мои козаки.»
 И Кобзарь ушкваривъ —

А мій батько орандарь,

Чоботарь,

Моя маты пряха,

Та сваха,

Браты мои соколы,
 Привилы,
 И корову изъ диброви,
 И намиста нанеслы,
 А я соби хрыстя,
 Въ намисти,
 А на лыштви, лыстя,
 Та лыстя,
 И чоботы и пидковы
 Выйду враньци до коровы,
 Я корову на пою,
 Подою,
 Зъ парубками постою,
 Постою.

Ой гопъ повечери,
 Замыкайте диты двери,
 А ты стара нежурись.
 Та до мене пригорнись!

Все гуляють, а дежъ Гонта
 Чомъ винъ негуляе?
 Чому не пье зъ козаками,
 Чому неспивае?
 Нема его; теперь ёму

Мабудь недонен
Недоспивы. . . а хто такый
У чорній киреи
Черезъ базаръ переходыть
Ставь, розрыва купу
Ляхивъ мертвыхъ, шука когось
Нагнувся, два трупы
Невилькихъ, взявъ наплечи
И позадь базару,
Черезъ мертвыхъ переступа,
Крыеця въ пожари,
Закостѣломъ. . . хтожь це такій?
Гонта горемъ битый
Несе дитей поховаты
Землею накриты
Шобъ козацьке мале тило
Собаки неилы.
И темными улыцями
Де меньше горило
Пописъ Гонта дитей своихъ,
Щобъ нихто небачивъ
Де вишь синивъ поховае,
И якъ Гонта плаче,
Вынисъ въ поле, геть одъ шляху,
Свяченый выймае,

И свяченымъ копа яму,
 А Умань палае;
 Свитыть Гонти до работы
 И на дитей свитыть;
 Ныначе сплять, одягыши,
 Чогожъ страшни диты,
 Чого Гонта нибы краде,
 Або скарбъ ховае,
 Ажъ трусиця; изъ Умани
 Де, де, чуть гукають
 Товариши Гайдамаки,
 Гонта мовъ нечуе.
 Сынамъ хату середь степу
 Глыбоку будуе.
 Тай збудувавъ, бере сынивъ,
 Кладе въ темпу хату
 Ажъ трусыця ниби чуе, —
 «Мы не ляхи тату!»
 Поклавъ обо ихъ; изъ кишени
 Китайку выймае.
 Поциловавъ мертвыхъ въ очи
 Хрыститъ, накривае
 Червоною китайкою
 Головы козачи.
 Роскрывъ, ще разъ подывився.

Тяжко, важко плаче,
 «Сыни мои, сыни мои,
 «На ту Украину
 «Подывиця, вы заней
 «Й я заней гину.
 «А хто мене поховае?
 «Начужому полю,
 «Хто заплаче надомною;
 «Доле моя! доле!
 «Доле моя несчаслива,
 «Що ты наробила
 «На що мыни дитей дала,
 «Чомъ мене невбила;
 «Нехай воньбъ поховалы,
 «А то я ховаю.»
 Поциловавъ, перехрестивъ,
 Покривъ, засыпае; —
 «Спочивайте сыны мои
 «Въ глыбокій осели
 «Сука маты, непридбала
 «Новои постели,
 «Безъ васылькивъ, и безъ труны
 «Спочивайте диты,
 «Та благайте, просить Бога,
 «Нехай на симъ свити

«Мене за васъ покарае
 «За грихъ сей великій
 «Просить сыны, я прощаю
 «Що вы Католики.»

Зривнявъ землю, покрывъ дерномъ,
 Щобъ нихто небачивъ,
 Де поляглы Гонты диты
 Головы козачи.

«Спочивайте, выгладайте,
 «Я швидко прибуду.

«У коротывъ я вамъ вику

«И мыни те буде,

«И мене вбьють, колыбъ швыдче,

«Та хто поховае?

«Гайдамаки! . . . пиду ще разъ

«Ще разъ погуляю. . .»

Пишовъ Гонта похилывшись.

Иде спотекнеця.

Пожаръ свытыть, Гонта гляне,

Гляне усмихнеця,

Страшно, страшно усмихався,

Настепъ оглядався,

Утёръ очи, тилько мріе

Въ дыму, та й сховався. (21)

Давно те минуло, якъ мала дытына
Сыроta въ рядныни я колысь блукавъ,
Безъ свыты, безъ хлиба, по тій Украини,
Де Зализнякъ, Гонта, зъ свяченымъ гулявъ.
Давно те минуло, якъ тими Шляхами
Де йшли Гайдамаки: малыми ногами
Ходывъ я, та плакавъ, та людей шукавъ,
Щобъ добру навчили: я теперь згадавъ,
Згадавъ тай жаль стало, шо, лыхо минуло.
Молодее лыхо! якъ бы ты вернулось
Проминявъ бы долю що маю теперь.
Згадаю те лыхо, шляхи ти безъ краи,
И батька и дида старого згадаю;
Одынъ ше гуляе, а другій умеръ.

Бувало въ неділю, закрывши минею,
 Почарци зъ сосидомъ выпивши тіен...
 Батько дида просыть щобъ той розказавъ
 Про Коліившину, якъ колысь бувало,
 Якъ Зализнякъ, Гонта, ляхивъ покаравъ...
 Столитній очи, якъ зори сіялы,
 А слово за словомъ сміялось, лылось;
 Якъ ляхи каналы, якъ Смила горила...
 Сусиды отъ страху, отъ жалю нимилы:
 И мыни малому не разъ довелось
 За тытаря плакать, и нихто не бачивъ
 Що мала дытына за коминомъ плаче!...
 Спасыби дидусю шо ты заховавъ
 Въ голови столитній ту славу козачу,
 Я іи онукамъ теперь розказавъ.

Выбачайте люды добри,
 Що козацьку славу
 Такъ навманья розказую
 Безъ книжной справы.
 Такъ дидъ колысь розказовавъ,
 Нехай здоровъ буде,
 А я занымъ; незнавъ старый,
 Що письменни люды
 Тіи речі прочитають...

Выбачай дидусю,
 Нехай лають; а я поки
 До своихъ вернуся.
 Та доведу вже докраю,
 Доведу, — спочину,
 Та хочъ кризь-сонъ подывлюся
 На ту Украину
 Де ходылы Гайдамаки
 Зъ святыми ножами,
 На ти шляхи, що я мирявъ
 Малыми ногами.

Погулялы Гайдамаки,
 Добре погулялы,
 Трохи не рикъ, шляхетскою
 Кровью напувалы
 Украину, та й замовклы, —
 Ножи пощербилы,
 Нема Гонты, нема ёму —
 Хреста ни могилы,
 Буйни витры розмахалы
 Попиль Гайдамака
 И никому помольця,
 Никому заплакать.
 Одынъ тилько братъ названый
 Оставсь на всимъ свити,

Тай той почувъ, що такъ страшно,
 Пекелніи диты,
 Его брата замучилы,
 Зализнякъ заплакавъ
 Вперше зроду, слезы невтеръ
 Умеръ неборака.
 Нудьга ёго задавила,
 На чужому поли.
 Въ чужу землю положила
 Така ёго доля.
 Сумно, сумно Гайдамаки
 Зализную сылу
 Поховалы, насыпалы
 Высоку могилу.
 Заплакалы, розійшлыся
 Видкиля взялыся, —
 Одынъ тилько мій Ярема,
 На кій похилывся
 Стоявъ довго: «спочишь батьку
 «Начужому поли
 «Бо на своимъ нема мисця

 «Спы козаче, душа щыра
 «Хто небудь згадае.»
 Пишовъ степомъ сиромаха,

Слезы утирає,
 Довго, довго, оглядався
 Тай не выдко стало. . .
 Одна чорна середь степу
 Могила осталась. (22)
 Посіялы Гайдамаки
 Въ Украини жито,
 Та не воны его жалы, —
 Що мусемъ робиты?
 Нема правды, не выросла,
 Кривда повыває. . . .
 Розійшлыся Гайдамаки
 Куды якій знає,
 Хто до дому, хто въ диброву,
 Зножемъ у халяви,
 Жидивъ кончать; така йдоси
 Осталася слава. (23)
 А тымъ часомъ старо-давню
 Сичъ розруйновалы:
 Хто на Кубань, хто за Дунай,
 Тилько и осталысь —
 Що пороги середь степу
 Ревуть завывають.
 Поховалы дитей нашихъ
 И насъ розрывають;

Ревуть соби, ревитемуть
 Ихъ люды минулы,
 А Украина на вики
 Навики заснула.
 Зъ того часу въ Украини
 Жито зеленіе
 Нечуть плачу, ни гарматы,
 Тилько витерь віе
 Нагинае вербы въ гаи
 А тырсу на поли,
 Все замовкло, нехай мовчить
 На те Божа воля.
 Тилько часомъ у вечери
 По падъ Днипромъ гаємъ
 Идутъ стари Гайдамаки
 Идучи свивають.
 А въ нашого Галайды хата не поности
 Грай море,
 Добре море,
 Добре буде,
 Галайда!

П Р И П Ы С Н.

1. Энциклопедическій лексиконъ томъ 5. Барская Конфедерация. и historia Krolewstwa Polskego g. s. Bandke tom 2.
2. Вильшана або Ольшана, мистечко Кіевской губерніи Звенигородскаго повита: міжъ Звенигородкою и Вильшаною по старому шляху Боровыкивъ хутирь и корчма, дебто Ярема Байстриукъ а потимъ Галайда бувъ у жида наймитомъ. (отъ старыхъ людей).
3. Неунитивъ Ляхи называлы Схизматами.
4. Про Конфедеративъ такъ розказують люды котори ихъ бачилы, и не дыво бо то була все Шляхта з honorem безъ дисциплины, робить не хочиця, а исты треба.
5. Анахронизмъ Тытаря Ляхи замучилы зимою, а не литьемъ.
6. За Гайдамаками ходызь Кобзарь ёго называлы слипымъ Волохомъ. (Дядь розказувавъ).
7. Павла Наливайка, живого спалылы въ Варшави, Івана Остраныцю и тридцать старшинъ козацькихъ після страшной муки розчетверовалы и розвезлы ихъ тила по всій Украйни. Зиновій Богданъ и сынъ его Тимофей булы поховани въ Суботови коло Чигрина, Чарвецкій коронный Гетьманъ, недоставшы Чигрина, отъ зюсти спалылы ихъ мертвыхъ. (Георгій Коняскій).

8. Полковникъ Богунъ, потопивъ Ляхивъ въ Игули. Зиновій Богданъ, вирізавъ 40 съ чимъ то тысячъ Ляхивъ надъ Росью въ Корсуни. Тарасъ Трясыло вирізавъ Ляхивъ надъ Альтою, И та нычъ въ котору те трапилось зовеця, Тарасова, або кровава. (Бантышъ-Каменскій).
9. Такъ про Чигринське свято розказують стари люды.
10. Тарасова и Варфоломѣева noci одна другой вартъ на стыдъ Римской тиары.
11. Трети пивни, сигналъ, розказують шо Зализняка Есауль не диждавши третихъ пивнивъ запалывъ Медвѣдивку мистечко межъ Чигриномъ и Звенигородкою.
12. Чорный Шляхъ выходывъ отъ Днипра межъ устями ричокъ Сокоривки и Носачивки, и бигъ черезъ степы Запорозьки, черезъ воеводства Кіевске, Подольске и Волынске; на червону Русь до Львова. Чорнымъ названный, шо по ему Татары ходили въ Польшу и своими табунами выбивали траву.
13. До Уніи козаки зъ Ляхами мырылися, и якъ бы не Ізуиты, то може бъ и не ризаыся; Ізуитъ Посевинъ Легать Папскій першый начавъ Унію въ Украини.
14. Кереливка, або Кариловка село Звенигородского повита. Червопецъ шо давъ Зализнякъ хлопцеву и до си есть у сына того хлопця, которому бувъ даный, я самъ его бачывъ.
15. Село будыща, недалеко отъ Кереливки, въ яру Озеро и надъ Озеромъ лись не великій зовеця Гупаливщыною за те шо тамъ Зализнякъ збывавъ Ляхивъ зъ дерева. Лѣхи де бувъ захованый Шляхецькій скарбъ и доси выдко, тилько вже розруйновани.
16. Лысянка, мистечко Звенигородского повита, надъ ричкою Гнылымъ-Тикичемъ. Тутъ зишмыся Гонта зъ Зализнякомъ и розруйновали старосвитцкій Будынокъ Богданомъ нибыто будованый.
17. Майданивка, село не далеко отъ Лысянки.
18. Лебедынь, дивичый Монастырь, межъ Чигриномъ и Звенигородкою.
19. Умань, городъ повитовый, губерніи Кіевской.

20. Kawaleria Narodowa; такъ звались Польски драгуны, ихъ тогда було въ Умани 3000 и вси були побиты Гайдамаками.
21. Въ Умани Гонта убивъ дѣтей своихъ, за те що ихъ маты Католичка помогла Изунтамъ перевесты ихъ въ Католики. Младановичъ товаришъ сынивъ Гонты бачивъ зъ здвинуци якъ вѣны умерлы. И якъ школяривъ Базиліянскоѣ школы потопивъ Гонта въ Криныци. Винъ багато написавъ объ Гайдаматчини, але на друкованого нема ничого.
22. Зрадою взяли Ляхи Гонту и страшно замучили. Привезлы его въ Кайданахъ въ Польскій лагерь недалеко Балты, зъ отризаннымъ языкомъ и правою рукою. Б. Польскій генераль, такъ веливъ зробыть, щобъ винъ чого небудь неказавъ на его, потимъ каты роздягли его, якъ маты родыма, и посадылы на горячи штабы зализа, потимъ зняли дванадцать пасъ зъ спыны шкуры. Гонта повивъ очима и страшно глянувъ на Б. той махнувъ рукою и розняли Гонту на четверо, розвезлы тило и по прибывалы на середохрестныхъ Шляхахъ. Зализнякъ почувши, що такъ страшно Ляхи замучили Гонту заплакавъ занедужавъ тай умеръ, его Гайдамаки поховалы въ степу надъ Днистромъ та и розійшлыся.
23. Злодій, розбойныкъ, або Гайдамака, такими осталься Гайдамаки по Колішцини. Такими ихъ знають и доси.

П Е Р Е Д М О В А.

Помовѣ, передмова, можно бѣ и безъ неї. Такъ ось бачте що; все що я бачивъ надрюкованого, тилько бачивъ а прочитавъ дуже небагато, всюды е передслово, а вмене нима, якъ бы я недрюковавъ своихъ Гайдамакивъ, то вонобъ нетреба и передмовы. А колы вже пускаю въ люды то треба и съчымъ, щобъ несміялысь на обирванцивъ, щобъ неказалы отъ якій! хиба диды та батьки дурніши булы, що непускалы въ люды навить граматки безъ предисловія. Такъ, далеби такъ, выбачайте, треба предисловіе, такъ якъ же ёго скомпоновать? щобъ знаете небуло и кривды, щобъ небуло и правды, а такъ якъ вси предисловія

компонуюця хочъ убый не вмю, треба бѣ хвалыть такъ соромъ, а гудыть нехочиця. *Нагнемъ же уже нагало книги сице:* весело подывиця — на слипого Кобзаря якъ винъ соби сыдить съ хлопцемъ слипый пидъ тыномъ и весело послухать его якъ винъ за-спивае думу проте шо давно діялось. Якъ бо-ролыся Ляхи съ козаками, весело. . . а все таки скажешъ слава Богу шо минуло, а над-то якъ згадаешъ шо мы одної матери диты, шо вси мы славяне. Серце болыть, а роска-зувать треба, нехай бачать сины и внуки, шо батьки ихъ помилянысь, нехай братаются знову съ своими ворогами. Нехай житомъ пшеницею, якъ золотомъ покрыта не розмижованною оста-неця на вики отъ моря и до моря — славянская земля. Про те шо діялось на Украйни 1768 року, росказую такъ якъ чувъ отъ старыхъ людей, надрюкованого и критикованого ничого нечитавъ, бо здаеця и нема ничого. Галайда въ половину выдуманый, а смерть вильшань-ского Тытаря правдыва, бо ще е люди коте-ри его зналы. Гонта и Зализнякъ, отаманы того кровавого дила, може вывидыпи въ мене нетакъ якъ воны булы; за це неручаюсь. Дидъ

мій нехай, здоровъ буде, колы зачина роска-
зувать що небудь таке, що не самъ бачивъ а
чувъ; то спершу скаже, колы стары люды
брешуть, то й я зъ ними.

